

Медная чайка

Автор:

Екатерина Соболев

Медная чайка

Екатерина Соболев

Анима #3

Гвен – дочь великой волшебницы. Она и сама неплохо умеет творить магию и дружит с лесным духом. Но однажды происходит ужасное – деревню захватывают Ястребы, а Гвен неосторожно заключает сделку с самой Тенью. Та может вернуть единственное, что для Гвен важно, если... если будет выполнено одно условие. Ради этого Гвен отправляется навстречу приключениям, опасностям и неожиданным знакомствам. Главное, не потерять вещицу, обычную только на первый взгляд, – дешевую медную брошку в виде чайки.

Екатерина Соболев

Медная чайка

В серии «АНИМА» вышли книги:

1. Золотой стриж
2. Серебряный Ястреб
3. Медная чайка

© Екатерина Соболев, текст, 2020

© ООО «РОСМЭН», 2020

Пролог

А мне ведь говорили, что нельзя ходить в лес после заката. Но я пошла, я прямо-таки побежала – не было времени думать. Позже, конечно, оказалось, что это решение – большая ошибка, но вот чего я тогда не знала: ошибаться не так уж плохо, а все прекрасное – несовершенно. Вы, может, не считаете, что это какая-то особо свежая мысль, но там, где я выросла, никто бы в такое не поверил.

В общем, я и заново все сделала бы так же. Повернулась бы спиной к дому, который никогда не был мне настоящим домом, и помчалась бы в лес, потому что... потому... п...

(Пролог утерян.)

Глава 1

День трех чудес

Вот он, главный вопрос: с чего начать историю?

События имеют раздражающее и прекрасное свойство восприниматься по-разному в зависимости от того, когда и как ты впервые на них взглянул. Жизнь, полная успеха, не кажется безмятежной, если для затравки рассказать о неудачах, которые предшествовали этому успеху. Поведать о большой войне можно от лица победителей или проигравших. Рассказ о любви начать с первых счастливых минут или с расставания. Точка зрения меняет все.

Эту историю мы, пожалуй, начнем с прекрасного зимнего утра, когда снег неспешно падал с неба, окна домов сияли особенно уютно, а мир был полон чудес. Никто в этих краях еще не знал, что золотой магии оставалось жить ровно сутки, и день шел своим чередом. Дети играли в снежки, взрослые мирно насвистывали, занимаясь своими делами, влюбленные даже работали рядышком, питая друг друга магией взглядов и прикосновений. Таким и был мир золотых волшебников до того, как пришли Ястребы: безопасным и уютным.

Снег валил уже третий день и полностью укрыл непроходимые леса на полпути между морем, где расположен остров Ястребов, и озером, которое Нил много позже сделает местом силы золотых земель. О том, насколько это были глухие места, говорило название поселка – Чаща.

От дома волшебницы уже ничего не осталось, но, попади вы сюда каких-то тысячу двести лет назад, его великолепие даже вас бы впечатлило. В глуши, где вершина владения золотой магией – вылечить больную козу или сделать так, чтобы колыбель с младенцем качалась всю ночь, эта постройка казалась чудом. Если вы когда-нибудь видели пряничную избушку, украшенную глазурью и осыпанную сахарными звездами, то легко представите себе этот дом.

Никто не знает, с чего волшебница решила тут поселиться, просто однажды утром жители, проснувшись, увидели на вершине холма невероятный дом, из которого к ним вышла серьезная женщина с ребенком на руках и пообещала, что под ее покровительством деревня станет самой счастливой на всем белом свете.

Жители удивились – настоящие, могущественные волшебники обычно селились ближе к Озеру, центру магии и торговли, – но отказываться от столь щедрого предложения никто не стал. И, что самое интересное, волшебница не соврала: за следующую пару лет больные постепенно выздоровели, бедные разбогатели, жить люди стали дольше, а все мельчайшие неприятности были забыты. Если летом ростки начинали вянуть от зноя, тут же проливался дождь, зимой снег

выпадал обильно и вовремя, накрывая спящие в земле зерна, как пуховое одеяло.

– Представить не могу, как вы накопили столько анимы, – сказал однажды на каком-то празднике старейшина деревни. – Мы тут вроде неплохие люди, а никогда даже лошадь без рук подковать не могли.

Волшебница улыбнулась и не ответила. Своими секретами она не делилась.

– Кстати, я тут подумал... Любовь дает много анимы, – уже не так уверенно продолжил старейшина. – А вы ведь, кажется, одна, отца девочки с вами почему-то нет, вот я и думаю, вдруг вас заинтересовало бы...

С каждым словом он говорил все тише, а потом и вовсе замолчал. Волшебница смотрела на него так, что старейшина прямо кожей почувствовал: еще секунда – и он превратится в лягушку или пень. Маги, конечно, зла не делают, но если им что-то не нравится, так пошутят, что будешь потом неделю ходить на гусиных лапах или кататься, как шар.

– Вы мало знаете о любви, старейшина. – Волшебница заметила, как он перепугался, и смягчилась. – При моем уровне мастерства она опасна – сбивает с пути и отвлекает от дел. Великие маги всегда одиноки. – Она снисходительно глянула на него. – Но вам, простым смертным, любовь действительно дарит много анимы. Ваша супруга покинула мир еще до того, как я сюда пришла, но я чувствую искру интереса к вам вон от той милой вдовы. Не теряйте времени, оно никогда не возвращается.

И с этими словами она вгрызлась в куриную ножку. Старейшину как ветром сдуло. С той вдовушкой, кстати, они потом поженились и всем рассказывали, что сама волшебница благословила их союз. Приглашение на свадьбу та пропустила мимо ушей, но прислала с дочкой дар: сияющую звездочку, теплую на ощупь и точь-в-точь похожую на звезды в небе. К подарку прилагалась загадка, которую девочка оттарабанила раза три, пока все не запомнили: «Ярче свет во тьме горит, суть важнее, а не вид».

Что это значит, никто так и не понял. Когда на звезду попробовали глянуть в темной комнате, свету от нее было даже меньше, чем от тлеющей лучины, но зато когда невеста приложила подарок к волосам, все ахнули: звезда легко

приклеилась. С тех пор звездочку носили как украшение, прикладывали к ушибам, оставляли в комнате младенца на всю ночь, чтобы он легче засыпал. Звезда не гасла и оставалась теплой до того самого дня, когда погасло все разом: и предметы, и места силы, и волшебство.

А пока этого не случилось, волшебница щедро одаривала не только взрослых, но и детей, – в годовщину рождения они получали от нее то удивительные игрушки, то несколько крупинок чистой анимы. Дети в Чаще стали просто загляденье: здоровые, спокойные и улыбчивые. Взрослые частенько мечтали, как однажды их замечательные добрые наследники, с младенчества одариваемые волшебницей, вырвутся из Чащи, найдут свою судьбу где-нибудь ближе к Озеру и наверняка сами станут великими волшебниками или, по крайней мере, богатыми мастерами.

Но самым счастливым, веселым и бесконечно одариваемым ребенком в деревне и, возможно, в целом свете была Гвендолин, дочь волшебницы. Имя было нездешнее и трудное, поэтому все, кроме матери, звали ее Гвен. От ребенка с такой родословной и таким именем невольно ждешь изящества и красоты, но в этом случае не сработало. Лицо у нее было скуластое и непримечательное, нос картошкой, глаза широко расставлены, в общем, ясно: кем бы ни был отец девочки, привлекательность не относилась к его достоинствам. Зато своему искусству мать научила ее в полной мере, и к шести годам Гвен была магом получше, чем большинство тех, кто величает себя этим именем. Волшебница, гордясь успехами дочери, не переставала это повторять, и Гвен старалась еще больше, чтобы мама никогда-никогда не перестала ее хвалить.

* * *

Утром того дня, когда все началось, Гвен в полусне услышала, как маленькая когтистая лапа стучит в окно, но только заворочалась и накрыла голову подушкой. Матрас был мягкий и уютный, набитый восхитительно пружинящим пухом, а на улице стояла зима, и как же не хотелось вылезать из кровати! Она уже почти заснула опять, когда ставень со скрипом приоткрылся, и на матрас спрыгнул Ульвин. Гвен хмыкнула, не открывая глаз, – окно было закрыто изнутри, чтобы ветер ночью не распахнул, но она живо представила, как Ульвин просовывает между ставней свой крохотный ловкий пальчик и сбрасывает задвижку.

– Ну же, просыпайся, давай играть! – пискнул Ульвин, скача по матрасу. – В «Расцвети, березка»! Или сделай так, чтоб я летал, мне в тот раз о-о-очень понравилось! Или...

Гвен подтянула его к себе и уткнулась лицом в холодный с мороза мех.

– Новая игра, – сонно пробормотала она и слабым усилием передала руке, которой накрывала Ульвина, немного анимы. – Называется «Волшебно подремать».

Ульвин протестуяще захныкал, но, похоже, игра ему в конце концов понравилась: когда Гвен проснулась в следующий раз, солнце уже вовсю светило в окно, а ее друг-бельчонок сладко посапывал, спрятав нос в пышном хвосте. Глядя на его безмятежную дрему, Гвен почувствовала, как золотое сияние внутри ее вспыхнуло ярче.

Вот так и работает золотая магия: добрые чувства и поступки питают аниму, силу самой жизни, которая есть внутри каждого, а хорошо развитая анима, в свою очередь, позволяет менять реальность самыми удивительными способами. Если твое волшебство сработало и тот, кому оно предназначалось, стал счастливее, немного анимы возвращается к тебе обратно. Потому в этом мире благодарность и была главным способом оплаты за товары и любые плоды труда: это ведь чистая анима, которая помогает и дальше делать свою работу с удовольствием, а что еще человеку нужно? Бесконечный круговорот добра и счастья – самое совершенное устройство мира, какое только можно представить.

День обещал быть прекрасным, как и все дни до него. Гвен пару минут полежала, вбирая в себя его красоту, – это же отличный материал для магии: отсветы бледного солнца на стенах, холодный ветер, скользящий по комнате, как большая невидимая змея, мягкая зимняя тишина за окном. Внутри потеплело, и Гвен довольно махнула рукой, передавая очагу желание, чтобы он зажегся.

Ульвин по-прежнему дрых без задних лап, из маминой комнаты за стеной не было слышно ни звука, и Гвен бодро огляделась, соображая, какими бы еще чудесами их поразить. Пол казался холодным, а шерстяные носки, в которых она обычно шлепала по дому, отлетели далеко, когда она вечером сбрасывала их с ног.

Искусство вглядываться в суть и историю вещей она освоила совсем недавно, и с тех пор не могла наиграться. Гвен протянула руку к полу, изо всех сил представляя, как древесные соки внутри досок очнутся, пробьют себе тонкие протоки среди засохших волокон, и доска вспомнит, каково это, быть деревом.

Совсем не трудно чего-то добиться, когда умеешь правильно желать, вот только это не так просто, как кажется. Через пару минут на деревянных досках выросли мелкие веточки, которые немедленно покрылись почками.

– Эй, нет, не то! – панически зашептала Гвен. – Я мох хотела вырастить, мягкий, чтобы на него вставать можно было!

Но дереву было все равно: оно уже проснулось и начало расти. Каждая доска вспомнила, кем была раньше, и начала обрастать корой, листьями, а потом и цветами. Пол глухо заскрипел – разрастающимся деревьям стало неудобно лежать в ряд, и они начали выпихивать собратьев. О том, чтобы встать на покрытый острыми ветками пол, теперь и речи не было. Ульвин проснулся и отчаянно завопил. Гвен охнула. Мама еще не научила ее, что делать, когда все идет не так, в этом разбираются только лучшие маги, и Гвен испуганно замерла, вцепившись в одеяло и подтянув коленки к груди. «Только бы стены не решили, что они живые», – с отчаянием подумала она, но, видимо, вложила в свои мысли слишком много чувства. Стены не уловили точного смысла слов, лишь направленное на них желание и всплеск анимы, и присоединились к всеобщему, в буквальном смысле, процветанию.

Когда распахнулась дверь, комната уже сплошь заросла покореженными, перепуганными деревьями, которые росли, потому что им так велели, но сами не понимали, куда и зачем. Ветки насквозь проткнули матрас, бревна в стенах натужно скрипели, пытаясь выкатиться на пол, чтобы расти там вволю. Волшебница пару секунд глядела на все это, а потом громко хлопнула в ладоши.

Паника немедленно прекратилась.

– Засыпайте, – сказала она и мягким движением отбросила от себя немного золотистого сияния, похожего на пыльцу.

Деревья заворочались и с облегчением начали превращаться обратно в доски и бревна. Они были старые, и резкое пробуждение им совсем не понравилось –

куда лучше спокойно дремать и вспоминать прежнюю жизнь. Через минуту комната выглядела так же, как раньше. Прорехи в матрасе затянулись, вещи, которые деревья уронили, встали на свои места.

Гвен приоткрыла глаза. Она лежала, свернувшись в клубок, и прижимала к себе Ульвина, который продолжал орать на одной ноте и даже не слышал, что все уже закончилось. Гвен понуро села, спустив босые ноги на пол. В груди словно набух какой-то мокрый ком, неприятное, тяжелое чувство, которому она не знала названия. Глаза чесались, в носу мокро хлюпнуло.

– Ну-у, детка, все хорошо. – Мама подошла и обняла ее. – Потренируемся, и все получится. Не бойся.

– Что такое «бойся»? – еле слышно пробормотала Гвен, обнимая ее изо всех сил.

Зажатый между ними Ульвин наконец замолчал и обморочно замер, дрыгая лапой.

– Бояться – это чувствовать, что анима не может тебе помочь.

Гвен задумалась.

– Не хочу так, – подытожила она.

– Теперь без этого не получится, – мягко хмыкнула мама, поглаживая ее по спине. – Чем больше умеешь, тем чаще боишься. А ты целую комнату смогла пробудить! Конечно, надо еще поработать, но я всегда буду рядом, солнышко, я всегда тебе помогу.

Гвен подняла голову и завороченно уставилась на нее. Мама улыбалась и пахла завтраком. День снова стал прекрасным.

– А теперь идем есть, блины остывают. – Мама подхватила ее под мышки и потащила перед собой. Гвен со смехом замолотила пятками в воздухе. – Ульвин, отправляйся домой. Твоя мать почувствовала, как ты испугался, и теперь волнуется.

Последнюю фразу Гвен не очень-то поняла, да и Ульвин, скорее всего, тоже. Но он послушно выпал из руки Гвен, встал на четыре лапы и кинулся к окну.

– Мы сегодня еще поиграем! – крикнула ему вслед Гвен, когда он, пошатнувшись, выскочил наружу, и повторила новое, только что выученное слово: – Не бойся!

Когда Гвен умылась и переоделась в чистую рубашку, они с мамой сели у печки, и та подогрела блины, не вставая с лавки, – просто неспешным движением руки велела блинам лечь обратно в нагретую печку, а затем перелететь в миску. Она посадила Гвен себе на колени, и та лопала блины, вся обмазавшись вареньем из еловых шишек, запивала их горячим напитком из сушеных ягод и рассказывала, как ветки кололи матрас и лезли отовсюду.

– Ты, конечно, очень много потратила, – с тихим смешком сказала мама, отщипывая кусочки от блина. – Но бережливость приходит с опытом, ничего страшного. Еще накопишь.

Гвен кивнула, замороженно наблюдая, как мама ухитряется есть, не опуская в варенье широченные рукава своего бархатистого светлого платья. Откуда мама берет наряды, оставалось для нее загадкой – ни у кого в деревне таких ярких и красивых вещей не было. Вот, например, мамино любимое украшение, брошь в виде птицы с раскинутыми крыльями, которую она прикалывала к любой своей одежде. В деревне говорили, что никогда не видели ни таких птиц, ни такой тонкой работы, и Гвен любила, сидя у мамы на коленях, гладить пальцем чудесную брошку, выкованную из красноватого, тускло сияющего металла. Мама говорила, он называется «медь», а птица – «чайка», такие птицы живут возле большой воды. Гвен, забывшись, потянула к броши жирную от блинов руку, и мама со смехом отдернулась.

– Нет уж, сначала руки вымой. А потом будем играть сколько захочешь, хоть весь день! Но без магии, тебе надо силы восстановить.

Мама встала, подкинула Гвен и ловко поймала. Гвен радостно взвизгнула. Мама продолжала держать ее на вытянутых руках, улыбаясь, потом согнула руки и поцеловала ее в нос.

А потом что-то вдруг произошло.

Мама замерла, и руки у нее разжались. Гвен, вскрикнув от неожиданности, упала на пол, а мама словно и не заметила – только медленно моргала, глядя в одну точку прямо перед собой. Гвен подергала ее за юбку, но мама даже не шевельнулась. Время вдруг показалось Гвен очень долгим, вязким и мрачным, и его прошло ужасно много, наверное, минут пять, прежде чем мама пошевелилась и заметила Гвен, тихонько сидевшую на полу. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом Гвен обняла ее за ногу. Вот теперь она точно поняла, что такое «бояться»: мама смотрела так, будто случилось что-то такое, чему анима не поможет.

– Детка, тихо, все хорошо. – Мама села на пол и обняла ее. – Я придумала очень интересную игру. Большое приключение.

Гвен только крепче вцепилась в ее ногу. Она чувствовала какой-то подвох, ей почему-то не стало весело от слова «игра».

– Ты уже отличная маленькая волшебница, и вот тебе задание, – продолжила мама. – Пойдешь сегодня в деревню вместо меня и найдешь троих жителей, которым нужна помощь. Соверши три маленьких чуда и возвращайся.

– Ты же сказала, мы будем играть без магии, – прошелестела Гвен, не отрывая головы от ее колена.

– Передумала.

– Но я никогда еще никому не помогала без тебя! Давай вместе, а? Пожалуйста!

– Ты много раз ходила со мной и знаешь все, что нужно. Просто слушай аниму, она подскажет. А я к твоему возвращению приготовлю огромный пирог с земляничным вареньем. Ну же, беги!

Гвен, сама от себя такого не ожидая, разрыдалась, но мама так куда-то торопилась, что даже не обняла ее и не потрепала за щеки своими теплыми руками, только схватила в охапку и потащила в сени. Опуская Гвен на пол, сунула ее ноги прямо в валенки, натянула на нее шубку и нахлобучила шапку на голову.

– Удачи, крошка. Ничего не бойся. – Мама расцеловала ее в обе щеки, в лоб и в нос и сдавленно пробормотала: – Я очень тебя люблю. Очень сильно. Мне это не положено и даже не полезно, но это чистая правда.

И с этими словами она вытолкала Гвен на крыльцо и захлопнула дверь у нее перед носом.

Гвен немного потопталась на крыльце, застегивая шубу и поправляя меховую шапку. Потом обошла дом и заглянула во все окна, подпрыгивая в густом снегу. Интересно, что там мама делает? Но дом казался пустым, и Гвен нехотя побрела в сторону деревни.

В валенки уже набился снег, и она попыталась достать его оттуда магией – взглядеться в прошлое снежинок и уговорить их падать наоборот, вверх, но что-то она сделала не так, снег поворочался в валенках и мокро прилип к тем же местам, где и был. Гвен вздохнула и по очереди вытряхнула снег из валенок, прыгая на одной ноге.

А потом просияла – чтобы стало веселее, нужно позвать Ульвина, вдвоем они быстро управятся! Гвен зажмурилась, постаралась представить его как можно четче – ощущение острых коготков на своей ладони, подергивающийся от волнения кончик хвоста, взбудораженный писк – и позвала его.

Ульвин выскочил из леса через пару минут. Как и все лесные духи, он умел очень быстро перемещаться в своих владениях. Гвен подхватила его на руки и сунула под куртку.

– Идем, малыш, – сказала она и прибавила громко и уверенно, скорее, для себя, чем для него: – У нас будет очень интересное приключение.

Деревня раскинулась в низине, издали она была похожа на россыпь ярких желтых огней среди снега. Зимой дни короткие, так что печки, очаги, лучины и всевозможные виды светильников, работающих на золотой магии, жгли круглыми сутками. Снег продолжал безмятежно валить с неба, так что первые минут пять пробираться через сугробы было тяжеловато, но потом начались аккуратно расчищенные улочки между домами и идти стало легче. Ноги в полных снега валенках немели от холода, а согреть их Гвен еще не умела, это не так-то просто – менять свойства собственного тела. Мама вот могла даже в

любое животное или птицу превращаться, но до ее мастерства Гвен было далеко. Как же хотелось повернуть домой и обняться с ней! Зачем идти куда-то одной в такой снегопад?

– Я есть хочу, – уныло пискнул Ульвин, подскакивая на ходу у нее за пазухой.

Гвен с облегчением отвлеклась от невеселых мыслей и, зажмурившись, вытянула руку лодочкой. Представила спелый желудь, его вес, гладкую прохладную скорлупку и шершавую шапочку, а когда образ стал ярким-преярким, решила проверить небольшую шалость и сразу немного повеселела. Она мысленно увеличила желудь, так чтобы он заполнил всю ладонь. Ульвин восхищенно присвистнул, и Гвен открыла глаза. На ладони у нее лежал огромный желудь, тяжести которого дубовая ветка точно не выдержала бы. У Ульвина, судя по звукам, потекли слюнки.

– А как его открыть? – прошептал Ульвин.

Гвен нажала двумя пальцами на твердейшую скорлупу, представила, что та хрупкая, как у яйца, надавила – и скорлупа распалась. Ульвин вцепился в желудь и начал торопливо его грызть.

– Вкус от магии не испортился?

– Не-е, – прочавкал Ульвин, и Гвен улыбнулась, оглядывая деревню.

Тут было восхитительно красиво. В других местах, если они вообще существуют, Гвен не бывала, но даже не могла себе представить, что может быть лучше всех этих огоньков, резных ставней и разноцветных дверей. Найти тут несчастного, которому требуется помощь, наверняка трудно, но мама ей часто повторяла: «Когда все в мире станут счастливы, наша с тобой работа будет завершена, но пока нам дело всегда найдется». И Гвен решительно зашагала вперед. Ей уже шесть лет, она справится.

Водяная мельница перемалывала темную воду в проруби замерзшего ручья. Гвен вспомнила, что неподалеку от мельника живет молочник, у которого есть стадо чудесных мохнатых коров, и пошла к его белоснежному дому, но, еще не дойдя, увидела самого молочника, собравшегося развозить свой товар. В тележку, полную кувшинов и кадок, были запряжены четыре одинаковые длинноногие

собаки. Они повернули в сторону Гвен головы и загалдели. Гвен подошла и погладила их по большим теплым головам. Ульвин дернул торчащим из-за пазухи хвостом, но в остальном сидел важно и спокойно – знал, что собаки ничего ему не сделают, когда он в такой компании.

– С добрым утром, маленькая волшебница, – улыбнулся молочник. – Идешь с ребятами играть? Снега много, можно целую деревню построить.

– Меня к вам отправили с важным заданием. У вас есть какие-нибудь неприятности?

– У меня? Неприятности? – Молочник засмеялся. – Нет.

Гвен придирчиво осмотрела его тележку.

– Может быть, колеса плохо подогнаны?

– Их недавно бочар перетянул. Я так ему благодарен!

– Может, у вас коровы мало молока дают?

– Много, для зимы-то. Я за ними хорошо ухаживаю, все про них знаю. Они очень любят игру на гуслях, и я раз в неделю приглашаю к ним музыканта.

– А может, вам тележку раскрасить? Может, вам не нравится, что она такая простая и деревянная?

Он тихо засмеялся и протянул руку, как будто собирался погладить ее по голове, но в последний момент передумал.

– Мне все нравится, – мягко сказал он. – Но идея неплохая вообще-то. Пусть мой сынок разукрасит полозья, мне приятно будет, что его рисунки со мной на работе. Не трать аниму, маленькая волшебница. У меня все по-настоящему хорошо.

Гвен вздохнула. Сын молочника и ходить-то недавно научился, что он там нарисует, она бы куда лучше сделала! Но что уж теперь, есть правило: не делай

добро, если тебя попросили его не делать. Волшебники должны помогать, а не навязываться.

– Ну, вы, если что-то вспомните, найдите меня, – без большой надежды сказала Гвен и пошла дальше.

Мимо рынка, где обменивали товары на благодарность. Мимо проруби в ручье, где удили довольные рыбаки. Мимо парочки, с песней разгребавшей снег перед своим домом. Мимо румяного точильщика, точившего ножи на крыльце. Гвен вздохнула. От Ульвина помощи с поисками ждать было нечего – он забрался ей на плечо и методично обгрызал желудь. Кусать такую громадину он не мог и просто стесывал стружку со звуком, с которым плотник обстругивает рубанком доску.

В конце улицы дети строили снежный домик, и даже издали было видно – дела у них идут отлично. Снег хорошо лепился, щеки и уши кусал бодрящий морозец, дети хохотали и то и дело валяли друг друга в снегу.

– Иди к нам! – закричали они, увидев Гвен.

Но она только улыбнулась, помахала им всем и поскакала дальше.

Кому же может быть плохо? Мама всегда кого-то находила – шла по деревне и прямо чувствовала, если кому-то даже немного грустно. Стучала в дом, разговаривала и все исправляла. Гвен упрямо подумала, что не отвлечется, пока не обойдет все-все дома и у каждого не спросит, не нужна ли ему помощь.

В первом доме жили старушка и старик, их имен Гвен не помнила. Они с мамой заходили сюда несколько раз, когда старушке казалось, что внуки любят ее недостаточно сильно. Гвен взбежала на крыльцо и постучала.

Когда старушка распахнула дверь, вместе с ней наружу вырвался чудесный запах топленой каши и звук младенческого смеха. Ну ясно, все у нее теперь хорошо.

– Маленькая, – удивилась старушка. – Ты чего тут одна? Мама здорова?

- Да, да! - бодро ответила Гвен. - А вот скажите, вам сегодня не грустно?

- Нет, - растерялась старушка, с интересом поглядывая на Ульвина, который так увлекся, что даже не поздоровался. Гвен мельком подумала, что желудь становится все меньше, а Ульвин - все шире. Кажется, она перестаралась с размером угощения. - Хочешь погреться, крошка? Я за младшим приглядываю, пока старшие с родителями снежного человечка строят.

- Спасибо, нет! Мне пора. - Гвен старательно скрыла разочарование и улыбнулась.

Нельзя показывать, если тебе немного грустно, потому что от этого другим тоже грустно. «А что это будет за мир, - говорила мама, которая на работе всегда улыбалась, - если волшебники сами начнут расстраивать людей?»

И Гвен помчалась дальше, по пути отобрав у Ульвина желудь, уже принявший форму неправильного кубика со следами зубов. Она подкинула желудь на ладони, и тот исчез.

- Эй! - заверещал Ульвин, хотя живот у него уже подпрыгивал на бегу от лишнего веса. - Это мой! Ты мне его дала!

- Я потом отдам. Ты лопнешь.

- Мой желудь, - грустно сказал Ульвин и тихо заплакал, свернувшись на ее плече.

Если вы никогда не видели, как плачут животные, то знайте: это самое грустное зрелище в мире. Гвен сняла его с плеча и погладила.

- Я тебя люблю, - тихо сказала она, потому что мама всегда говорила ей это, когда она грустила. - Но тебе не туго в своем меху? Ты же и правда объелся.

- Туго, - всхлипнул Ульвин, цепляясь за ее шубу. - Иди помедленней, у меня живот подскакивает.

Гвен улыбнулась и пошла медленно, хотя ее так и тянуло бежать.

– Ну все, ш-ш-ш. Нам с тобой нужно срочно отыскать кого-нибудь грустного, а то мама расстроится. Она верит, что я однажды стану самой великой волшебницей обитаемых земель.

– А обитаемые земли – это докуда?

– Не знаю, – задумалась Гвен. – Наверное, до оврага. За ним-то уже никто не живет, один лес. Ладно, вперед!

Глава 2

Бард, печка и бык

Гвен таскалась по деревне еще пару часов, пытаясь помочь:

– вдове, муж которой в прошлом году погиб во время зимней рыбалки (но вдова, погрузив положенную неделю, уже, кажется, совсем утешилась и посвятила себя вязанию лучших в деревне носков. И даже пряжа у нее не путалась, ну что ж такое!),

– маленькому сыну пекаря, который ходил без шапки (но оказалось, что он ее не потерял, а учится магии и проверяет, можно ли обогреть голову силой желаний. На самом деле, можно, но это слишком сложно для такого малыша. К сожалению, поняв свою ошибку, он тут же надел шапку и побежал дальше),

– семье, которая вместе белила печь (но им нравилась совместная работа, и помощь оказалась совсем не нужна).

И еще много-много похожих случаев. В конце концов Гвен просто села на скрипучий снег. Мама всегда ухитрялась выискивать грусть, но деревня была большущая, а Гвен уже промерзла и устала. Обычно мама брала ее на руки, когда они так долго ходили, а тут взять было некому, даже наоборот – самой приходилось нести сытого Ульвина, который спал в удобном глубоком кармане за пазухой.

Мама часто повторяла, что надо слушать аниму, она всегда приведет, куда надо, но это оказалось совсем не просто. Гвен зажмурилась, растянулась на снегу и вообразила деревню как один большой шар света, любви и спокойствия. Где-то тут должна быть прореха, темное пятнышко, которое надо устранить.

Крупные снежинки надвигались на нее с темного неба и мягко оседали на лице, и от их прохладных прикосновений Гвен вдруг стало грустно. Отгонять грусть сил не было, Гвен на пару мгновений поддалась, окунулась в нее полностью, и это вдруг помогло. Видимо, грусть притягивается к грусти, кто бы мог подумать! Гвен почувствовала, что ее куда-то тянет, ощущение было ноющее и неудобное, но она послушалась его, выбралась из снега и пошла, стараясь не очень-то радоваться, чтобы не спугнуть грусть.

На той окраине деревни, куда она пришла, Гвен бывала редко – здесь жило совсем мало детей, не с кем было играть. Она взошла на крыльцо дома, который показался ей самым интересным из-за неуловимого тянущего чувства внутри и легкого запаха гари, просочившегося в открытую дверь.

Гвен постучала, но никто не отозвался.

– Эй, – тихо позвала она, заглянув в дом. – Есть кто-нибудь?

– Да. – Мальчик, сидевший за столом, уныло поднял голову, и Гвен его узнала: Рыжик, сын гончара. – Я хотел еду папе с мамой приготовить, они к бабушке ушли двор от снега чистить. Они мне не велят самому печь топить, я еще маленький. Но я хотел... Я даже играть не пошел, я...

О, Гвен отлично понимала это сладкое чувство: желание восхитить и порадовать маму любой ценой. Хотя насчет того, что Рыжик не дорос иметь дело с огнем, родители вообще-то были правы, – ему, кажется, и пяти лет не исполнилось. Сердце у Гвен вспыхнуло от радости. Малыш выглядел действительно по-

настоящему грустным. Ну, еще бы: растопить печку и поставить в нее свое блюдо ему удалось, а вот дожидаться, пока огонь догорит до углей, терпения не хватило, вот его произведение и вспыхнуло в печке как факел. Рыжик, к счастью, все же догадался залить пожар водой, но не сразу. Передняя стенка печи обуглилась, остатки кушанья, дымившегося в котелке, уже невозможно было опознать.

– Они расстроятся, – выдавил Рыжик. – Я хотел их порадовать, а тут...

– Не бойся, сейчас все поправим, – весело сказала Гвен и потерла руки, изо всех сил изображая, что понимает в печах, готовке и побелке.

Гвен сосредоточенно прижала обе руки к почерневшей мокрой стенке печи. Поверхность нагрелась, в груди ухнуло, и, открыв глаза, Гвен тихо зашипела. Она пожелала, чтобы «стало идеально», но о цвете подумать не успела. Когда пытаешься вытолкнуть крупички анимы из груди в руки, не всегда успеваешь продумать все как следует, и магия порой находит в твоей голове что-то такое, о чем ты и не подозревал.

Печь стала нежно-розовой с мягким переходом в оранжевый, будто край рассветного неба. Гвен прокашлялась.

– Так и было задумано, – торопливо сказала она. – Я сделала еще лучше, чем было.

Она боялась, что Рыжик только сильнее расстроится, он ведь, скорее всего, просто хотел скрыть следы пожара, но тот подошел и восхищенно тронул печь пальцем.

– Ого, красиво, – прошептал Рыжик. – Ни у кого такой печки нету!

Вдохновленная Гвен решила поменять запах гари в воздухе на запах цветов. Почему-то получился запах цветущего дуба, ну и ладно! Со сгоревшей едой Гвен решила поступить так же, как утром с досками. Нельзя же позволять одной неудаче лишать тебя мужества, в этот раз все точно получится!

Гвен обхватила почерневший плоский котелок и зажмурилась. Нужно просто развернуть время вспять, делов-то.

Анимы на это ушло больше, чем она думала, в груди заныло сильнее, но она продолжала держать котелок, пока то, что в нем тлело, не вернулось к тому виду, в котором Рыжик начал это готовить. Гвен запустила в котелок палец и облизала его.

– М-м-м. Репа, мука, масло, сушеная рябина и черная соль. А это можно смешивать?

– Я мечтаю стать поваром, – прошелестел Рыжик, завороченно наблюдая за тем, что она делает. – Мне нравится помогать маме готовить. Хотел придумать что-нибудь такое, что ее удивит.

– Вот это ее точно удивит. А может, все-таки уберем репу и соль? Получится рябиновый пирог.

– А это не скучно? – с сомнением протянул Рыжик. – Мне хотелось чего-нибудь особенного.

Гвен всплеснула руками. Как же трудно быть волшебницей! Неудивительно, что маме еще не удалось сделать всех абсолютно счастливыми: только осчастливишь, запросы тут же начинают расти.

– опыты будешь проводить вместе со своей мамой, – строго сказала она. – А пока что пирог сойдет. Ясно? Давай попроси меня, так положено.

– Сделай, пожалуйста, пирог. – Рыжик почесал нос. – Только чтобы он был пышный. И сладкий! И с красивой корочкой. И чтобы рябина была распаренная, а не сухая.

Гвен застонала, но покорно обхватила котелок и как можно лучше представила себе точно такой пирог, какой хотел Рыжик. Анимы на это ушло много, заказ был точнейший, сразу с несколькими свойствами, но она решила не скупиться: хотела впечатлить свою маму ничуть не меньше, чем Рыжик – свою.

Репа и соль исчезли, тесто замешалось, пышно приподнялось и зарумянилось. Выглядело очень даже неплохо, но пробовать Гвен не решилась: если получилось не то, она надолго тут застрянет, а ее уже так и тянуло бежать дальше, чтобы разделаться с остальными двумя заданиями. Рыжик, к счастью, пробовать не требовал, только расплылся в счастливой улыбке, и Гвен выжидательно уставилась на него. Даже такой малыш должен знать, как надо расплачиваться с тем, кто сделал тебе что-то хорошее.

- Благодарю тебя, - тихо сказал Рыжик.

О, какой молодец, не поскупился! Гвен почувствовала, как ее сердце словно набухает, раскрывается и становится ярче. Десяток ярких крупинок анимы, целая пышная россыпь, проплыли по воздуху от груди Рыжика и тихо впитались ей в грудь.

Гвен длинно выдохнула. Ее никогда еще не благодарили настолько искренне, прямо как настоящую волшебницу.

- Мне пора. А ты печку больше не разжигай, пока не научишься, ясно? - торопливо пробормотала она, хлопнула Рыжика по плечу и бросилась на улицу.

Успех окрыляет, и второго человека оказалось найти куда проще: Гвен ни о чем не думала, просто мчалась по заснеженным улицам туда, куда ее вело. Уже начало темнеть, на деревню опускались прозрачные светлые сумерки, какие бывают после мирного зимнего дня. Ульвин недовольно ворочался, но не просыпался.

Второй дом, куда анима решила ее привести, Гвен знала отлично: изба Барда, музыканта. Дверь была закрыта, а окно распахнуто настежь, несмотря на снегопад. Гвен подтянулась, держась за подоконник, и заглянула в комнату. Бард сидел у ярко пылающего в открытом очаге пламени, подперев голову рукой, глаза у него влажно блестели, и Гвен чуть не присвистнула от восторга. Бард грустил!

- Приветик! - тихо сказала она.

Бард подскочил, торопливо вытирая глаза.

- Ш-ш-ш! - Он предостерегающе замахал руками. - Моих разбудишь!

Гвен важно закивала, показывая, что все поняла. У Барда была жена и двое поразительно одинаковых младенцев - мама говорила, это называется «близнецы».

- Я могу тебе помочь? - прошептала она и улеглась животом на подоконник в попытке влезть в комнату. - Чем тебе помочь? Я помогу!

- Нет-нет-нет! Так и думал, что твоя мать сейчас явится! - зашептал Бард не очень-то довольным голосом. - А она тебя прислала!

- Мне надо совершить три чуда, это задание такое, - сказала Гвен. - А тебе, моему, чудо не помешает.

Бард невесело усмехнулся и удобнее развалился в кресле.

- А вот и помешает, - веско сообщил он. - Я тут последнее время сплю плохо, дети часто будят, их же двое, и...

- Я помогу! - выпалила Гвен, но Бард только досадливо хмыкнул.

- Хоть дослушай сначала! И вот, я лежу без сна и все чаще думаю: а что, если грусть - это не так уж плохо? Вдруг мы все ошибаемся, вдруг это нормально: чувствовать усталость, раздражение и гнев, а еще - печаль от того, что уже никогда не будешь таким юным и беззаботным, как пару лет назад. Так что я решил грустить чаще. Вдруг это поможет мне понять, кто я на самом деле такой?

Ну все. Он действительно болен.

- Тебе о-о-очень нужна помощь, - протянула Гвен. - Давай я сделаю так, чтоб ты забыл про всю эту ерунду, а?

- Не вздумай! Я хочу придумать печальную песню, - шепотом перебил Бард, не отрывая глаз от огня. - И у меня есть пара идей.

– Такое никто слушать не будет.

– А вдруг будут? Вот смотри, это о тебе. – И он мягко, приятно запел: – Девочка с лукавыми глазами, перегнувшись через подоконник, о причинах грусти вопрошает, но повесил голову садовник.

– Ты не садовник, – серьезно ответила Гвен. – А глаза у меня нормальные. Не... какие там?

– «Лукавые» – это как чуточку хитрые. А садовник – просто для рифмы. И не отнекивайся, я знаю: ты жаждешь, чтоб я тебе разрешил меня вылечить, вы с матерью так и рыскаете в поисках, кого бы осчастливить. Но мне это сейчас не нужно.

Как будто осчастливить – это плохо! Гвен почувствовала что-то мрачное и неодобрительное и, сама этого испугавшись, выдавила:

– Ладно, как хочешь. Я пошла.

Она уже спрыгнула с подоконника, но Бард вдруг возник в проеме окна и втащил ее обратно.

– Прости, – виновато сказал он, и вот теперь это был старый добрый Бард, автор любимых всеми песен про зайчика и «По весне цветет рябина». – Я тебя расстроил, да?

Гвен с облегчением кивнула. Бард, кажется, не настолько болен, чтобы забыть: расстроить ребенка – очень вредно для анимы, так поступать нельзя никогда.

– Это я от недосыпа такой мрачный. Нам очень повезло, что вы есть. – Бард поставил ее на пол и смущенно почесал затылок. – Просто я немного скучаю, ну, по временам до вас, когда все не были так одержимы тем, чтобы копить аниму и быть счастливыми каждую секунду. – Он опустил на колено, виновато глядя на Гвен. – Мы были обычной деревней. Не идеальной.

– Нашел, по чему скучать, – буркнула Гвен и сама обмерла от собственной наглости, но Бард только улыбнулся.

– Будет плохо, если еще и ты загрустишь, – мягко проговорил он и покладисто прибавил: – У тебя задание кому-нибудь помочь, да? Помоги мне, умоляю, приладить полку поровнее, совсем она покосилась. Я буду тебе очень благодарен.

И он указал на дальнюю полку, которая и правда опасно накренилась под тяжестью глиняных горшков. Гвен просияла.

– Я еще и пыль с нее уберу, вы там, кажется, вообще не убираетесь, – торжественно сказала она и, не сходя с места, одним движением собрала всю пыль в клубок, поймала его и выкинула в окно.

С полкой оказалось немного сложнее: Гвен вгляделась в ее сущность и поняла, что держится она на деревянном штырьке, вогнанном в древесину. Под тяжестью поклажи штырек пропахал среди мягких древесных волокон канавку, идущую сверху вниз, так что Гвен, шипя и краснея от натуги, сначала подняла угол полки, а затем перераспределила и растянула волокна древесины, чтобы они заполнили канавку. Подходить к полке ей не понадобилось – золотая магия большей частью происходит в воображении, достаточно направить на нужный предмет взгляд, руки и движение своего сердца.

– Благодарю тебя, – искренне сказал Бард, когда полка, звякнув горшками, встала на место.

И Гвен сразу это почувствовала: глоток чужой анимы, несколько золотых крупниц, чуть прохладных от грусти, слабых и блеклых, но настоящих. Они перетекли к ней и вошли в ее сердце. Гвен рассмеялась и обняла Барда, изо всех сил пожелав кое-чего еще: чтобы близнецы хорошо спали и не заставляли отца ночами думать о печальных вещах.

– Пока. Не грусти! – назидательно сказала Гвен, не отрывая взгляда от стены, за которой, в соседней комнате, обитали близнецы.

И, весело перемахнув через подоконник, приземлилась в снег и довольно зашагала прочь. Смогла найти двоих – значит, третьего уж точно найдет!

Но это вдруг оказалось не так уж просто: анима молчала и, как Гвен ни воображала деревню в виде огромного кома счастья и золотого сияния, как ни

искала в этом сиянии темные пятна, все казалось идеальным. Да тут еще Ульвин заворочался и высунул голову из-за ее воротника. Глаза у него были осоловевшие: желудь и правда оказался слишком велик для его хлипкого тельца. Гвен с нежностью погладила его пальцем по голове. Как же все-таки трудно делать добро так, чтобы никому не навредить и чтобы все были довольны!

- Еще не все? – сонно спросил он. – Я уже тебе очень хорошо помог, я тебя грел, а теперь устал и домой хочу. День такой длинный, а я простой зверек. Ну, не совсем простой, но все же...

Гвен охнула, взяла Ульвина под мышки, рывком вытащила из-за пазухи и устала на него.

- Ты гений, – прошептала она.

- Я? – усомнился Ульвин. – Кажется, нет.

Но Гвен уже сосредоточилась на другом. Мама сказала «помочь троим жителям деревни», но не сказала «людям», а значит... вдруг можно найти в деревне несчастливое животное? Бедный объевшийся Ульвин не считался, он из леса, и Гвен, зажмурившись, изо всех сил всмотрелась в живых существ деревни. Она их всех знала, искать их сознание было странно, но ее так гнало желание поскорее попасть домой, что она легко нашла собак молочника (полностью счастливы и ужинают), всех деревенских котов (приглушенное тихое довольство), кур (они не особо-то умные птицы, поэтому все их счастье заключалось в сытости, а кормили их отлично), коров и...

Стоп. Коровы. Гвен вгляделась сильнее – скопление теплых живых душ, мычащих и непритязательных. Они любят свежую траву, но согласны и на сено, раз уж за окнами зима. Спят стоя, любят тепло и ощущение соломы под копытами и... Гвен победно вскрикнула от радости.

Одна из коров казалась темнее, чем другие, у нее было какое-то мрачное настроение, кажется, что-то болело, а говорить-то они не умеют. Гвен бросилась к дому молочника, но тут Ульвин заныл.

- Идем домой, ну пошли, а? Эй! Мне уже надоело бродить!

Гвен вздохнула. Она уже столько анимы потратила на задание, что у нее ноги подрагивали, а перемещение объектов, и особенно живых, дело затратное, надо бы сказать Ульвину, чтобы шел своими ногами, и все же... Гвен представила, как он нетвердо побредет к себе в лес по сугробам, пропахивая круглым животом снег, потому что на ветках в таком состоянии не удержится, и решила, что ради него анимы не жалко, тем более бедняга уже снова начал засыпать.

- Ты дома, - прошептала она и, взяв Ульвина обеими руками, вытянула их перед собой. - Сейчас твоя мама тебя обнимет, и будешь спать до завтра.

- А как же приключения? - пробормотал он, не открывая глаз. - Я хочу!

- У нас будет еще много приключений, - тихо сказала она и отработанным усилием сердца передала аниму рукам.

Золотое сияние докатилось от груди до ладоней, и Ульвин начал растворяться. Его вес на ее руках становился все меньше, пока не исчез совсем. Гвен почувствовала ноющую пустоту от потери очередного куска анимы, но только шире улыбнулась сама себе. Подумаешь, еще накопит! И однажды действительно станет величайшей из волшебниц. Может быть, даже искуснее, чем мама!

На этот раз ощущение зова стало совсем ясным - видимо, чем больше тренируешься, тем лучше получается. Не сворачивая, Гвен твердо дошла до ручья. И дети, и рыбаки уже ушли домой, снег продолжал валить, и все промерзло, так что вдоль ручья она шла в полном одиночестве: мимо мельницы, лопасти которой уже затихли до завтра, мимо дома молочника, где горели окна и слышался детский смех. Собаки, увидев Гвен, выскочили из смешного собачьего домика, устланного внутри толстыми одеялами и соломой, и вопросительно посмотрели на нее.

- Тихо, - сказала Гвен. - Я на минутку, вылечить корову.

Гвен мысленно постаралась перевести слова на их язык, и, кажется, получилось. Собаки молча ушли домой, и Гвен зашла в хлев.

Там было восемь коров и один угрюмый молодой бычок в уголке. Гвен понятия не имела, у кого из них неприятности, но, зайдя, и без всякой магии сообразила: у бычка. Остальные коровы глядели спокойно и мирно, пока она шла мимо, а он насупился и сердито посмотрел исподлобья. Гвен остановилась напротив. Она снова почувствовала то, что чувствовала очень редко, то, что мама назвала «бояться»: надо было зайти в его загон, а бык здоровенный, и рога у него страшные. Но потом она представила, как мама обнимет ее и скажет, что она очень храбрая, и, распахнув загон, скользнула внутрь.

Живые существа очень сложные, нужно прикоснуться, чтобы точно понять, что не так. Ну, ладно, ничего ведь не случится! Она зажмурилась, встала на цыпочки и тронула мохнатый лоб между прядящих ушей. Бычок тяжело дышал, но не мычал – то ли он был слишком гордым, чтобы звать людей на помощь, то ли молчать было не так больно.

Ага, вот оно! Гвен попыталась увидеть историю бедняги, отмотать время назад, и бычок оказался в этом плане покладистее деревьев: спокойно разрешил увидеть, как он жевал солому, а в ней попало что-то острое. Видимо, старший сын молочника – любитель погрызть орехи – опять выбросил скорлупу куда попало, и вот пожалуйста. Бык поранил горло и сам не понимает, что у него так болит. Гвен выдохнула. Она еще не пробовала никого лечить, хотя звучало это очень просто: коснуться больного места и послать туда немного анимы. Гвен попыталась это сделать, положив дрожащую ладонь на горло быка, и сразу поняла, в чем сложность. Видимо, надо коснуться именно раны, а если рана внутри...

Чем меньше думаешь, тем меньше, наверное, успеваешь испугаться. Гвен попросила быка открыть рот и запустила туда руку, стараясь не думать о том, что будет, если он не вовремя закроет свой здоровенный рот. Как же трудно быть волшебником!

Не думать о жутких зубах и о пахнущем прелой травой языке, который скользко поблескивал в полутьме, было трудно, и Гвен поскорее коснулась царапины в горле, – руку тянуло к ней, как к беде, которую надо исправить. Бык вздрогнул всем телом, но Гвен уже почувствовала, как от прикосновения теплого сияния на кончиках ее пальцев, осветившего темную глотку, горячий узел боли развязывается и исчезает.

Гвен рывком вытащила руку, бычок со щелчком захлопнул пасть – видимо, терпел уже из последних сил, – и замычал во все горло. Остальные коровы тут же подхватили. Гвен облегченно прислонилась к загородке загона и тут поняла, что кое-что не продумала. Чтобы чудо было засчитано, нужно получить благодарность за него, а животное вряд ли на это способно.

– Благодарю, – жарко выдохнула Гвен, схватив бычка за голову. – Подумай, как ты мне благодарен. Ты просто животное, я знаю, но давай же, давай!

Бычок уставился на нее своими темными глазами – выдающимся умом этот вид животных не отличается, – и Гвен, потратив очередной кусок анимы, передала бычку способность мыслить и говорить, как человек. Она сделала это так отчаянно и быстро, что даже подумать не успела, как именно это получилось: мама учила ее менять свойства существ, и она много тренировалась на Ульвине, но ни разу еще не получалось так уверенно и гладко.

– Тебе лучше? – выпалила Гвен.

– М-м-мда, – пробасил бык.

Ощущать его присутствие теперь стало по-другому, хаотичные образы в голове животного начали обретать человеческую стройность и яркость. Бычок благоговейно застыл, глаза у него удивленно распахнулись.

– Скажи: «Благодарю тебя», – прошептала Гвен. – Давай же! Быстро!

Бычок посмотрел на нее.

– Я. Вижу. Странно. И красиво. Много. В голове, – неразборчиво прошептал он.

– Благодарю!

– Благодарю, – покорно изрек он, замороженно глядя на нее.

Гвен почувствовала, как несколько слабых, едва различимых, как пыль, крупинок звериной анимы поплыли к ней, нетерпеливо схватила их прямо в воздухе и вбила себе в грудь. И тут же забрала у бычка способность думать и

говорить по-человечески, потому что на ее поддержание уходило невероятно много сил.

– Стой! Я хотел спроси-и-у-у-у... – начал бычок, но речь ему уже изменила, и он снова замычал. Гвен нежно похлопала его по холке и выбежала из хлева, спотыкаясь на дрожащих ногах.

От слабости ее мутило, но Гвен все равно неслась вперед, ее захлестывало невероятное, огромное счастье: она все сделала, она выполнила задание! Это лучший день, лучший день! Ноги давно заledenели от мокрого снега, она даже пальцев не чувствовала, ну, ничего, сейчас посидит в кадке с теплой водой, и все пройдет.

Стены ее дома мягко искрились под лунным светом, снегопад наконец-то прекратился, и гигантские нетронутые сугробы, которые намело за три дня, громоздились вокруг, как холмы.

– Я дома! – завопила Гвен во весь голос. – Я дома!!!

Вот сейчас мама выскочит на порог и поймает ее, обнимет и закружит, и... Но окна почему-то были темными, дверь не открылась. Гвен помчалась еще быстрее и влетела в дом, пыхтя и поправляя сбившуюся на глаза шапку.

Никого. Мамы не было дома. Гвен поняла это сразу, но все равно промчалась по всем комнатам, чтобы убедиться. Ну как же она могла куда-то уйти и не встречать ее после такого важного приключения?

Мало того: тут и там вещи были брошены как попало, – мама куда-то торопилась, иначе никогда бы не оставила все так неаккуратно. Ну, значит, дело было важное. Гвен устало остановилась посреди большой комнаты и тут увидела кое-что такое, отчего сердце у нее сжалось.

На столе около печи лежала брошь в виде чайки – та самая, которую мама никогда не снимала. Гвен чуть не села мимо лавки. Мама не объясняла ей, как и почему возникают печальные чувства, поэтому ощущение, которое захлестнуло ее, было безымянным и оттого еще более ужасным. Сердце словно превратилось в камень, и этот камень медленно оседал в живот, больно расталкивая все на своем пути.

– Мама, – шепотом проговорила Гвен и погладила чайку кончиками пальцев. – Ты где?

За окном были чудесные разлапистые ели, укрытые снегом, и сквозь их узорчатые ветки лунный свет падал особенно таинственно, отражался от брошки, бросая холодные отблески на стены. Нужно было просто немного подождать. Мама задержалась где-то, а чайку в спешке забыла надеть. Да, точно! Гвен уронила голову на руки. Она придет. Обязательно придет. Вот сейчас. Через минуту. Через пять.

Но сгустилась ночь, а никто так и не пришел. Гвен медленно встала, пошатываясь от голода и усталости. Она же волшебница, она может сделать кое-что получше, чем просто ждать! Эта мысль затопила ее таким облегчением, что Гвен тут же приободрилась.

Сил оставалось совсем мало, но она все равно села на пол и прижала обе руки к доскам, с трудом заставив себя тронуть их после утреннего провала. Хорошо, что менять их не надо, – нужно просто взглядеться в них и чуть отмотать время назад. Если хорошенько взглядеться в историю вещи, можно поймать момент, когда рядом с ней происходило то, что тебя интересует. Гвен уловила чье-то чужое, не мамино, присутствие, босые ноги, ступающие по их полу, гул двух тревожных, сердитых голосов – мамино и второго, незнакомого, – шум падающих на пол вещей. Больше ничего не смогла разобрать – голова закружилась, и все исчезло. Слишком много потратила за день, много, как никогда, эта потеря теперь ощущалась, как дыра в груди, как пустое пространство там, где недавно было что-то чудесное. Но если мама вернется, будет такое счастье, что дыра тут же затянется. Гвен хлюпнула носом и выпрямилась.

Вот что надо сделать. Как она сразу не подумала! На свете полно существ: домовые, полевые, множество разных духов, они вездесущие, и хоть кто-то да видел маму там, куда она отправилась так срочно! В их доме существа бывали частенько и подолгу разговаривали с мамой, но Гвен еще ни разу не звала их сама. Да ладно, что тут сложного, – смогла засунуть руку в рот быку, сможет и это. Она сосредоточилась, представила себе всех существ, с которыми знакома, и позвала их. Но никто и не подумал явиться. Гвен продолжила звать, как человек, который готов бесконечно стучать в дверь, пока ему не откроют.

Она думала, что почувствует их приближение, но не почувствовала ничего: просто в конце концов скрипнула входная дверь и зашел лесовик, седоватый коротышка в огромных валенках.

– Приветствую тебя, дочка волшебницы, – прошептал лесовик, и Гвен сразу поняла: неприятности не только у нее. – Да, я знаю, что твоя мама куда-то исчезла, я больше не чувствую ее покровительства. – Он виновато глянул на нее. – Это очень печально, но помимо этого случилось что-то еще очень плохое. Магия днем вдруг стала слабее. Я никогда такого не чувствовал. Никогда.

Гвен нахмурилась.

– У кого она стала слабее?

– Не у кого-то. Сама магия, она как будто сжалась. Анимой мы не питаемся, мы дети самой земли, но даже с землей словно что-то не то. Я хотел спросить твою мать, в чем дело, звал ее, но она не отвечает.

– И что мне делать? – отчаянно спросила Гвен.

– Деточка, я не знаю. Я вижу, ты расстроена, но я не знаю, не знаю, как тебе помочь. Все очень боятся, и нам хочется быть поближе к дому. Разрешишь мне идти?

«Боятся». Опять это слово.

– Иди, – выдавила Гвен.

Лесовик ласково коснулся ее руки и торопливо ушел, а Гвен некстати подумала: «Что, если Ульвин был такой сонный не только из-за желудка? Что, если он тоже ослабел, когда ослабела магия земли? Что вообще происходит?»

– Мамочка, – шепотом сказала она. – Пожалуйста, вернись.

Но мама не вернулась, и тогда Гвен легла, уткнулась лицом в пахнувший мокрой шерстью ковер, весь истоптанный ее валенками, которые она так и не сняла, и горестно заревела. Плакать вредно для анимы, но ей вдруг стало наплевать:

мамы нет, а раз ее нет, то зачем анима, зачем вообще все?

Идея, которая выглядела как самая большая ошибка в ее жизни, пришла Гвен в голову тогда, когда даже плакать надоело. Мама говорила здесь с кем-то, кого она, судя по сердитому голосу, не рада была видеть. И если Гвен дотянулась до лесовика, что мешает ей дотянуться до этого таинственного гостя? Этот человек – ну, или не человек, тут уж неизвестно, – видел ее последним и, наверное, знает, где она.

Гвен подумала, что мама просто обязана сейчас появиться, хотя бы для того, чтобы ее остановить, но мамы не было, и Гвен снова прижала руки к полу, отмотала время назад и взгляделась в босые ноги с бесцветными ногтями и голубыми венами. Рассмотреть гостя целиком не получалось – только ноги и бесформенный темный наряд. Что-то испугало ее в этих ногах, которые невесомо и мягко касались пола, что-то с ними было не так, на том, что тут произошло, словно стоял знак «вход воспрещен», пульсирующее алое ощущение запрета, но Гвен продолжала всматриваться, пока не сообразила, что же не так: от босого господина исходил лютый, ужасный холод. «Надо отвернуться», – подумала Гвен, но только сильнее вцепилась в это призрачное прошлое, которое хранили доски пола, вцепилась в ногу босого господина и позвала его. Не голосом, а так, как звала лесовика и маму: всем своим сиянием, всей своей анимой, зов, который способен преодолеть любые расстояния. В груди больно дернуло, и Гвен почувствовала: там, прямо в воспоминаниях, темная фигура развернулась к ней, словно тоже пыталась разглядеть ее сквозь время. Гвен захотелось отпрянуть, но она только потянулась ближе и позвала еще раз. И тогда фигура шагнула прямо к ней.

Гвен отпрянула и заорала так, что сама чуть не оглохла. Она только пару мгновений спустя поняла, что в комнате никого нет, что она по-прежнему в безопасности, и с трудом перевела дух. Пожалуй, лучше все-таки сидеть и тихо ждать и ни во что не лезть, мама обязательно придет.

На улице, за дверью, еще приоткрытой после ухода лесовика, раздались мягкие, поскрипывающие на снегу шаги, и сердце у Гвен ухнуло вниз.

– Пригласишь меня зайти? – спросил мягкий голос. – Я знаю, что ты там, и знаю, где твоя мама. Но не скажу, пока ты не пригласишь меня.

У Гвен застучали зубы, и до нее не сразу дошло, что это не только от страха: в доме стало по-настоящему холодно, даже дышать больно. То, что в гости явился кто-то, кого впускать не следует, было ясно как день, но любовь ныла внутри, Гвен даже не думала раньше, что чудесная привязанность к маме может быть такой болезненной, удушающей и полной тревоги, и поэтому открыла рот, даже зная, что это наверняка окажется большой-большой ошибкой.

- Заходите, - сказала она.

Глава 3

Босая госпожа

Дверь распахнулась. На пороге, черная на фоне белоснежной зимы, стояла босая женщина. У нее было длинное черное платье, слишком тонкое для такой погоды, - сквозняк легко взметнул тончайшую ткань подола. Волосы тоже были темные, очень длинные. Судя по некрасивым, мертвенно-бледным и холодным ступням, Гвен ожидала увидеть кого-то совсем не симпатичного, но лицо у босой госпожи было очень правильное, красивое, только болезненно-белое.

- Вот так неожиданность, - сказала гостья, даже не вздрагивая от холода, и спокойно зашла в дом.

Дверь за ней захлопнулась, хотя босая госпожа к ней и не прикоснулась. Гостья по-хозяйски оглядела комнату, прошла мимо Гвен и села на скамейку около давно остывшей печки, удобно скрестив босые ноги.

- Поразительно, - сказала она и зубасто улыбнулась. - От кого я не ждала никаких сюрпризов, так это от тебя.

- Почему? – высоким от волнения голосом спросила Гвен.

- Ну, ты ее дочь. – Она пожала плечами, все еще разглядывая комнату, а вовсе не Гвен. – В вашем нежном плюшевом мире, которому, к счастью, скоро придет конец, особо скорбеть не положено, как и слишком уж сильно любить. – Она вдруг заговорила другим голосом, будто передразнивала кого-то: – «Настоящая любовь – опасная штука, она обязательно разобьет тебе сердце, а грустить вредно для анимы». И посмотрите на это! – Она вдруг улеглась на скамейку, удобно подперев голову рукой. – Ты так любишь ее, потому что она любила тебя по-настоящему, верно? Наверное, знала, что ты – ее последний ребенок.

- Как это – последний? Я единственный, – обиделась Гвен.

Гостья вдруг рассмеялась, прохладно и звеняще, как будто сосульки зазвенели.

- О, ну конечно. Слушай, а у вас еда какая-нибудь есть? Меня никто из ваших еще ни разу не приглашал зайти, хочу получить все возможные удовольствия.

Гвен молча встала, пошарила в ларе и поставила на стол варенье, мед, миску орехов и оставшиеся блины.

- Подогреть? – спросила Гвен, наконец решившись посмотреть гостье в глаза, серые и прозрачные.

- Ха, забавно, – сказала гостья и жадно вгрызлась в блин, свернув его в четыре раза. – Вообще-то и я без еды отлично обхожусь, мне и физическая форма не особо нужна, но опыт весьма интересный.

- А вы кто? – выдавила Гвен, и гостья подняла брови.

- Я? О, ну какая жалость, она обо мне не рассказывала! Я – Тень.

- Тень чего? – брякнула Гвен.

- Всего, – кратко ответила Тень и отхлебнула варенья через край миски. – Все на свете отбрасывает тень, даже самые лучшие вещи. Отрицать это было большой

ошибкой.

- Где мама?

- О, я от нее избавилась.

У Гвен защипало в носу. Ей впервые в жизни хотелось сделать что-то плохое. Причинить этой женщине какую-нибудь неприятность.

- Верни ее, - тихо попросила она, потому что причинять неприятности ее никто не учил.

- Да, конечно, уже бегу. Знаешь, что самое смешное? Моя сестрица напоследок угробила кучу своих драгоценных сил, чтобы защитить от меня этот дом. Я никогда не смогла бы сюда попасть, если б ты сама меня не пригласила. Вот поэтому вы все и вымрете, мои золотые. Как можно быть такими болванами?

- Сестрица? - тупо переспросила Гвен, уловив главное. - Вы моя тетя?

- Твоя добрая-добрая тетушка, да. - Тень облизала миску. - Это тебя не спасет, если что. Родственные чувства - не мое.

Она вытерла рот и встала.

- Ну, прощай, моя племянница номер даже не знаю который, уже давно сбилась со счета. За угощение не благодарю, вам и так благодарности доставалось выше крыши.

Тень снисходительно посмотрела на нее сверху вниз, а потом вытащила прямо из воздуха что-то похожее на сгусток черного дыма и запустила Гвен в грудь, как дети во время игры запускают снежки.

Дым оказался очень, очень холодным. Гвен вскрикнула и села на пол, прижимая руку к груди. Это точно была магия, но какая-то незнакомая, плохая, она будто гасила сияние внутри ее, проглатывала саму аниму. «А я ведь не успела найти маму, - тупо подумала Гвен, раскачиваясь из стороны в сторону от боли. - Наверное, я плохо искала».

Эта мысль вдруг придала ей сил, чтобы нетвердо встать на ноги и попытаться оторвать от себя холод, расползающийся по груди. Тот неожиданно легко собрался ей в руку, и Гвен швырнула его обратно. Тень поймала его, легко и весело, как ловят мяч во время игры, сжала в кулаке, и черный сгусток исчез.

- Весьма любопытно, - сказала она. - Напомни, как тебя зовут?

Гвен забралась на скамейку с ногами и выпрямилась, чтобы их лица оказались на одном уровне. Тень подняла брови.

- Я Гвендолин. Где мама?

- Ох, ну конечно! Точно! - Тень щелкнула пальцами. - Та самая Гвендолин. Прошлые я не очень хорошо запоминаю, моя область - будущее: пророчества, планы, предсказания. Баюкать воспоминания - по вашей части, зато с планированием все ну очень плохо.

- Говори, где мама, - прошелестела Гвен. - Я хочу ее вернуть. Говори, или я... Я...

- Даже не буду спрашивать: «И что ты мне сделаешь?», это просто глупо. Вы беспомощны, как дети. Да ты к тому же и есть ребенок, так что совсем не страшно. - Тень подобрала со стола медную чайку и подбросила на ладони. Гвен хотела отнять, но сил не было. - Как это душераздирающе: матери оставляют детям бесполезные штуки, чтобы те их вспоминали. Мир - это крайне печальное место. Но без печали было бы так скучно! - Она бросила чайку обратно на стол. - Я передумала, убивать тебя не буду, пусть этим займутся те, кто придет утром, так будет гораздо мрачнее. Твою мать я устранила, а на тебя мне наплевать. Но увидеть ее дом и съесть ее еду было увлекательно. Прощай, Гвендолин.

- Эй, вы, - выпалила Гвен, кривясь от слез. - Я вас не отпускала. Верните ее, она мне нужна.

- Ого, - присвистнула Тень. - И что ты мне готова отдать, если верну?

- Что угодно.

– М-м, неплохо! Тоска, отчаяние, решимость – все, как мне нравится. Поэтому вам и не положено так уж сильно любить, – назидательно сказала Тень. Ее, кажется, забавлял этот разговор. – Ваш выбор – ущербная, сладенькая и поверхностная любовь золотых волшебников, потому что настоящая заставляет совершать ужасные ошибки, а ошибки вы ненавидите. – Она помолчала. – Все что угодно, говоришь? Ладно.

Гвен чуть не завопила от радости. Да! Она знала, знала, что все получится!

– Время таких, как ты, прошло и никогда больше не вернется, – задумчиво протянула Тень. – Уж поверь: я вижу будущее, за это меня и ценят мои новые соратники. Но будущее не предопределено, решения меняют его каждый день. – Глаза у нее загорелись, взгляд бегал точно как у мамы, когда та вглядывалась в прошлое вещей. – О да, так все рухнет даже более эффектно. Ты именно та, кого мне не хватало. В остальном роли уже заняты: Магус, стриж, его помощник, молодой солдат-Ястреб, но... А знаешь что, Гвендолин? Я могу предложить тебе сделку. – Она задумчиво взяла в руки чайку. – Это просто медная дешевка, но если ты наполнишь ее своей магией и сделаешь так, чтобы птица целиком засияла золотом, я верну твою мать.

– Она ведь жива? – жалобно спросила Гвен.

– Конечно. Ее попробуй убей! Я просто вывела ее из игры и могу оставить в таком виде на бесконечно долгое время. – Тень вложила чайку в руки Гвен и сомкнула ее пальцы вокруг брошки. – Но ты можешь ее вернуть поскорее, вопрос только в цене. Да или нет?

– Да, – хрипло сказала Гвен и, сжав птичку, передала ей немного анимы.

Та впиталась без следа – когда Гвен разжала руку, брошь была такой же холодной и обычной, как прежде. Гвен передала еще немного – и снова ничего.

– О, этого слишком мало, – хмыкнула Тень. – Чтобы она засияла, понадобится примерно миллион крупинок анимы. Ты до скольких умеешь считать?

– До тысячи.

– Ну, уже неплохо для такой глуши. Так вот, миллион – это тысяча тысяч.

Гвен приоткрыла рот.

– Но это же... Это слишком много! Столько ни у кого нет!

– У, малышка, я разве сказала, что это легко? Но, как утверждает ваша драгоценная золотая магия, и это редкий случай, когда я согласна: желания – величайшая сила во вселенной. Человек даже представить не может, на что способен, если по-настоящему захочет. Мои пророчества вообще-то ценятся, прости за каламбур, на вес золота. Так что услышь мое предсказание. – Она глубоко вдохнула, подняла руки ладонями вверх и заговорила заунывным, надтреснутым голосом, будто опять кого-то передразнивала: – Когда эта копеечная медная птичка засияет, как золото, магия такой силы вернет твою великую, хоть и ненавистную мне мать обратно.

Тень весело открыла глаза и протянула Гвен руку. Гвен пожала ее, стараясь не морщиться от холода. Тени, кажется, тоже не очень-то понравилось: она быстро отдернула руку и подула на пальцы, словно обожглась.

– Я вас позову, когда закончу, – сухо сказала Гвен.

Тень засмеялась так, будто это очень смешная шутка.

– Не сомневаюсь! Когда это случится, просто скажи вслух: «Отдаю свет Тени», и я приду. До встречи, Гвендолин, ты меня отлично развлекла. Тебя в этой истории очень не хватало.

И с этими словами Тень развернулась и легкой походкой вышла за дверь. Проверять, ушла ли она пешком или исчезла с помощью волшебства, Гвен не стала, у нее было дело поважнее. Она опустилась на скамейку, протянула руку к чайке, лежавшей на середине стола, – и отдернула, когда что-то глухо застучало в ставни снаружи. Гвен бросилась к окну, распахнула его, она думала, Тень еще что-нибудь ей скажет, но там оказался Ульвин, и он... Он двигался очень странно, даже ставни открыть не смог и просто бился в них своим меховым боком, нелепо взмахивая передними лапами. Увидев Гвен, он вцепился в ее запястье и с трудом выдавил:

– Что-то не то. Что-то со всеми не то. Как будто земля вот-вот заболит. Ой. – Гвен взяла его на руки и прижала к себе, поглаживая тощую мохнатую спину. – Я пришел узнать, как ты. Ты мой друг. Мне как-то. Ой. Нехорошо. – Он дернулся, и Гвен крепче прижала его к себе.

Нужно срочно вернуть маму, уж мама точно исправит все что угодно. Гвен отошла от окна, посадила Ульвина на стол и тоскливо уставилась на чайку. Ей совсем не хотелось этого делать, но вот теперь уж точно должно было получиться. Хоть она и потратилась сегодня, но осталось еще много, она все-таки волшебница. Снова накопит, всегда можно накопить. Гвен сжала брошку, и острие больно ткнулось в руку.

– Отдаю все запасы, кроме искры жизни, – прошептала она. Так мама называла ту часть анимы, которая служила не для создания магии, а просто для того, чтобы дышать. – Забирай.

Мир магии – это мир возможностей, великолепных открытых дорог и тесных связей, но в этот момент Гвен почувствовала, как все двери перед ней закрываются, дороги исчезают, связи тают, и сила, которая позволяла ей менять реальность, исчезает, перетекая в жалкую медную птичку. Гвен хрипло взывала – ощущение было хуже не придумаешь, она даже представить не могла, что это будет так ужасно. Пальцы запульсировали горячим, а когда поток анимы иссяк, онемели, и Гвен опустошенно растянута на скамейке. Она подозревала, что внутри у человека все заполнено какими-то важными органами, что вряд ли там так уж много пустых мест, но ощущение было именно такое, как будто она теперь – просто натянутая на скелет кожа. Ульвин на столе поскуливал, Гвен и не знала, что белки способны издавать такие звуки.

– Ты в порядке? – шепотом спросила она, чувствуя, что немного оглохла и немного ослепла.

Мир казался совсем не таким ярким, как пять минут назад, даже мех Ульвина, перебравшегося ей на грудь, как-то поблек. Гвен ватной рукой прижала его к себе. Ульвин издал какой-то мокрый тихий звук, а потом неразборчиво выдавил:

– Ты такая глупая. Что ты наделала? Зачем ты все отдала этой штуке?

Он протянул ей брошку, и Гвен застонала от досады. Она думала, та сияет во всю силу, но у чайки светились только приоткрытый клювик и голова, да и они медленно гасли, впитывая магию в себя. Если всего, что у Гвен было, хватило только на это, сколько же нужно, чтобы собрать тысячу тысяч крупинок?

«Я ведь могу забрать все из чайки назад», – подумала Гвен, но уже знала: не заберет.

Анима восстанавливается, это долго, но возможно. Гвен будет копить, пока не заполнит чайку до конца. Она сжала брошку в руке.

– Ой. Ой, – пролепетал Ульвин, и вот теперь он уже не за нее переживал, с ним действительно что-то было не то, рот плохо складывал слова, лапы хаотично дергались. – Это. Приключение. Мне. Не. Нра-а-а. А. Х-х-х!

Ульвин испуганно замолчал, сидя у нее на груди, а когда открыл рот снова, оттуда вырвался только беличий писк, в котором ни слова невозможно разобрать. Гвен на секунду забыла даже про свои неприятности – она потянулась к Ульвину, но он бессмысленно уставился на нее, словно был обычной белкой, дернул ушами и бросился наутек.

– Стой! – крикнула Гвен, но он уже выскочил в окно и был таков.

Она собиралась немного поплакать, но вместо этого уснула, а проснулась оттого, что вдалеке кричали незнакомые птицы.

Было очень рано, рассвет едва-едва проредил ночную темноту. Гвен встала, с трудом распрямляя затекшую спину, и побрела на улицу глянуть, что там происходит.

Сон как рукой сняло. Над деревней парили хищные птицы, каких она ни разу не видела в их краях, – у них бывали мелкие соколы, которые охотились на полевых мышек, но не такие огромные и не столько сразу. Птицы то и дело камнем падали вниз, а обратно не взлетали. Из деревни раздавались редкие вскрики и плач, в них звучали отчаяние и печаль. Гвен растерянно пошла туда, тяжело ступая валенками по глубокому снегу, – так и не сняла их со вчерашнего дня.

Она ожидала увидеть в деревне птиц, которые воруют животных или разоряют амбары, но, как ни странно, птиц не было. Зато на улицах появились люди в темной одежде, и за плечом у каждого клубились сгустки тьмы, смутно напоминающие разных зверей и птиц. Незнакомцы молча заходили в дома и вытаскивали оттуда детей в наспех натянутых шубах и валенках. Дети что-то лепетали, но не вырывались, родители слабо протестовали и затихали, не веря, что все это происходит на самом деле.

Гвен замерла. Костюмы знакомцев были чем-то похожи на темный наряд Тени, – что, если они с ней заодно? Но подумать об этом как следует она не успела, потому что одна из пугающих черных фигур уже двинулась в ее сторону.

«Ой», – подумала Гвен.

Дети вокруг, понимая, что творится что-то плохое, тихо, неумело плакали. Сын молочника, которого провели мимо Гвен, твердил, что не успел дорисовать картинку и что ему срочно нужно домой, но темная фигура даже не слушала. Та, что шла в сторону Гвен, приближалась, и она со всех ног бросилась наутек. Не ждатель же, пока ее тоже схватят!

Ее дом – особенный, он волшебный, он ее защитит. Ноги вдруг коснулось что-то ледяное, обернулось вокруг лодыжки, потянуло назад. Гвен рывком выдернула ногу из холодной петли и помчалась дальше, торопливо оглядываясь через плечо. Темная фигура, несмотря на длинные ноги, явно не привыкла бегать по глубокому снегу, зато Гвен, которая тут выросла, мчалась, как заяц-беляк, петляла между деревьями, высоко вскидывая колени и уворачиваясь от черных дымных штук, которые фигура бросала ей вслед.

Фигура вдруг превратилась в птицу. От нее убежать было бы труднее, но ближе к дому рос частый ельник, и Гвен нырнула под низкие ветки, проползла, добежала до двери и захлопнула ее за собой. Птица всем телом гулко впечаталась в дверь, от столкновения вспыхнули золотые искры, и птица, неуклюже развернувшись в воздухе, полетела обратно с такой скоростью, будто старалась убраться от этого дома подальше. Гвен прислонилась лбом к стене. Значит, мама и правда защитила дом. Тут ее не достанут. Даже если это все правда и магии, которая была в земле, больше нет, мамины чары все еще действуют. Все хорошо, она в безопасности.

Медная чайка лежала на столе. В комнате было полутемно – с горизонта надвигалась тяжелая грозовая туча. Гвен подошла и тронула брошку. Несколько секунд смотрела на нее, потом решительно взяла и спрятала поглубже в доме, чтобы не было соблазна забрать из нее магию. Снаружи продолжались печальные звуки и хлопанье крыльев, и Гвен, подойдя к окну, уставилась в щель между ставнями. С холма ей было хорошо видно, как темные фигуры тащат детей к большим телегам, в которые запряжены приземистые смиренные лошади, черные как ночь. Родители сбились вместе и тихо, недоуменно плакали, пока их детей сажали в телеги. И Гвен даже отсюда, даже на таком расстоянии и без всякой магии почувствовала все, что чувствовали они: непонимание, растерянность, уверенность в том, что все это сейчас как-то разрешится и прекратится. Девочек почему-то сажали в одну телегу, а мальчиков – в другую, и по их позам без единого слова было ясно: всем очень грустно. Очень грустно.

«Если бы мир был полон несчастных, то наша работа была бы очень простой», – говорила мама, и... План развернулся перед Гвен, такой великолепный, что она чуть не засмеялась. Да это же то, что ей нужно! Печаль и неприятности – везде. То, что еще вчера казалось роскошью, – найти хоть чем-то недовольного человека или хотя бы животное, – вдруг стало доступным, как яблоки осенью. Дети, взрослые, даже лошади, запряженные в телеги, даже те странные ряженые, которые отнимали детей и распределяли их по телегам, выглядели грустными.

Гвен медленно выдохнула. Нужно просто решить, кому она больше пригодится: детям, покорно сидящим в телегах, или взрослым, испуганно сбившимся вместе. Она вспомнила, как грустил Рыжик, когда сжег печку, и как она сама переживала из-за исчезновения мамы, и подумала: «Дети, кажется, умеют печалиться куда лучше взрослых. Бард, вон, нарочно пытался, и то не получалось!» Она обвела взглядом дом, родной волшебный дом, безопасное место, где ее никто не найдет, и натянула шапку.

Пора было уходить. Вдруг это ненадолго, вдруг уже через полчаса всех вернут обратно? Нужно торопиться, нужно успеть собрать все, что можно.

И, распахнув дверь, Гвен вышла наружу.

Как это часто бывает, делая что-то выдающееся, люди не думают о том, какой невероятный поступок совершают. Они думают о том, как им страшно, и как немеют ноги, и как им дорого то, чего они надеются достигнуть. Точно так же и

злодеи чаще всего думают не о том, что поступают плохо, а о всяких незначительных, бесполезных для будущей истории деталях.

Гвен шла навстречу темным фигурам, не зная, что делает то, о чем никто из волшебников не подумал, а если и подумал, то не решился действовать. Золотая магия, может, и не помогает сражаться и побеждать врагов, зато может утешать и согревать проигравших.

Сержант Два Три, который управлял группой захвата, присмотрелся, краем глаза заметив единственного, кто шел в их сторону, а не мчался наутек. У Сержанта был четкий, понятный приказ: тех, на кого среагирует теневой браслет, чувствительный к сильной золотой магии, немедленно уничтожить с помощью теневого оружия, потому что золотые волшебники – лидеры своего народа, и неизвестно, чего от них ждать. Если же найдутся те, в ком будет замечен анимус, близкий по духу Ястребам, то есть те, кто сопротивляется, дерется или хотя бы сохраняет мужество перед лицом опасности, то подобных взрослых уничтожить, потому что они могут представлять угрозу для Империи, а детей взять с собой и отправить в одну из школ, где из маленьких дикарей вырастят Ястребов, которые забудут, кем были раньше. При виде девочки, которая решительно приближалась к нему, глубоко утопая в сугробах, Сержант Два Три сунул последнюю добычу – двух младенцев-близнецов – в руки удивленному мальчику постарше и пошел ей навстречу. Сержанта звали Эрб, и ему не нравилась его работа, хоть в последнее время запрещено было даже мысленно употреблять словечки вроде «нравиться» и «хотеть». На острове Ястребов, еще до того, как Магус захватил власть, суровая, но добрая и многочисленная семья Эрба держала рыбную лавку, и Эрб скучал по временам, когда не нужно было бесконечно куда-то лететь, кого-то побеждать и иметь дело с таким количеством детей. Была бы его воля, он торговал бы себе соленой и свежей, копченой и жареной рыбой, а по вечерам лениво сидел на камнях, глядя на море.

Браслет при приближении девчонки не нагрелся, и, значит, никакой золотой магии в ней не было, а вот анимус, судя по всему, был: все золотые народы – слабаки, на них только глянешь сурово, и они уже сдаются, так что любой смельчак сильно выделялся на общем фоне. Поэтому Эрб взял девочку за шкуру и посадил на заснеженную скамейку: он понятия не имел, как сказать на ее языке: «Подожди здесь и не вздумай бежать».

Она вообще-то должна была обрадоваться и решить, что ее оставляют в деревне и никуда не заберут, но вместо этого девочка тут же вскочила, сказала ему что-

то, чего он не понял, и показала в сторону телег. Эрб посадил ее обратно, но она заплакала и опять потянулась к телегам. Эрб заколебался. Другие офицеры были слишком заняты, чтобы он мог проконсультироваться, решение требовалось срочно, да еще на Сержанте висело задание, которое ему уж совсем не нравилось: проникнуть в дом на холме, защищенный золотой магией, которая почему-то не погасла после уничтожения места силы, и любым способом выцарапать оттуда тех, кто там засел и кого так бесславно упустил рядовой Шесть Шесть Один.

Девочка между тем редела и пыталась ползти в сторону телег. Наверное, у нее там были братья или сестры, и Эрб вдруг разозлился, потому что вспомнил своих собственных братьев и сестер, которых не видел с тех пор, как их забрали из дома и отправили в разные школы. Думать о них было страшно, и, чтобы заглушить страх, он сердито схватил девчонку за шиворот и встряхнул. Больше никого с анимусом в этой деревне явно не было, так что ему предстояло тащить ее в когтях, в птичьем облике, до самой ястребиной школы далеко на западе. Заниматься этим Эрбу было лень. Он знал, что в Селениях, куда отправят всех этих детей, куда хуже, чем в почетных ястребиных школах, и подумал: «Безмозглая дикарка, если хочет отправиться с ними, пусть отправляется». А если в ней есть анимус – хотя, может, и нет, вон как она некрасиво громко ревет, – то он пригодится, чтобы наполнять предметы. Поэтому Эрб, воспользовавшись тем, что никто в его сторону не глядел, схватил плаксивую дуру за шкурку, дотащил до телеги с девочками и в сердцах швырнул в гущу свернувшихся там детей.

От тут же отвернулся, делая вид, будто очень занят другими делами, чтобы никто не заметил этой сцены и не увидел, что девочка тут же перестала плакать. Она выпрямилась, вытерла глаза и удобнее села в телеге, растолкав остальных девочек.

Эрб, конечно, ни малейшего представления не имел о том, какие последствия будет иметь его халатность. Благодаря его желанию поскорее разделаться с делами Гвен попала именно туда, куда хотела: в гущу несчастных, побежденных детей из золотых народов. Туда, где волшебство нужно было больше всего на свете.

– Не бойтесь, – прошептала Гвен, спокойно глядя на перепуганных девчонок: в руки старшим сунули всех младенцев женского пола, которые истошно орали, не понимая, где их мамы и почему так холодно. – Все будет отлично.

- Твоя мама нас спасет? - с надеждой спросила дочь мельника.

- Пока что нет, - тихо сказала Гвен. - Но я временно за нее, и у меня есть план.

Вот так все и началось.

Глава 4

Запертые двери

План был проще некуда: пока их не спасли, а это наверняка будет очень скоро, собрать с остальных детей как можно больше благодарности. Анима, которая уже была внутри людей, наверняка никуда не делась, осталось вдохновить девчонок ею поделиться.

Что до магии, которая недавно наполняла мир вокруг, она и правда куда-то исчезла, Гвен кожей чувствовала: это не глупость и не выдумка, что-то в мире действительно погасло и перестало работать. Даже вес самого воздуха изменился, цвета поблекли, звуки стали тише. Гвен пробрала дрожь, когда она по-настоящему это осознала, а еще - когда поняла, что телега, куда их всех загрузили, не останавливается уже несколько часов, их везут и везут, и конца этой дороге не видно. Как выяснилось, за оврагом, обозначавшим границу деревни, мир был очень большим.

Две темные фигуры, которые их сопровождали, выглядели грубо и неприятно: одна правила лошадью, то и дело косясь через плечо, вторая и вообще не отрывала от детей тяжелого взгляда. Так сердито на Гвен еще никогда не смотрели, и, чтобы отвлечься, она решила запоминать дорогу, но скоро уснула,

привалившись к одной из девочек.

Когда они проснулись, телега уже куда-то доехала: вокруг были одинаковые дома, скупо освещенные факелами, тут и там сновали темные фигуры с закрытыми тканью лицами, но они Гвен не очень-то заинтересовали. Куда больше, потирая слипшиеся со сна глаза, она поразилась тому, сколько других детей толпилось около домов, наблюдая за их прибытием. То, что все это девочки, Гвен поняла добрых пару минут спустя, – они были коротко пострижены и одеты в одинаковые серые штаны и рубахи.

Опустевшая телега уехала, и к ним подошла темная фигура, в которой Гвен, несмотря на одежду, закрывающую все, кроме глаз, опознала существо тоже женского пола: по тонкой переносице и обрамленным длинными ресницами глазам.

– Я Смотритель Один Один. Говорить на ваш язык, – произнесла женщина свистящим, неуверенным голосом. Те двое, что везли их в телеге, понятными словами не разговаривали, только перебрасывались звуками, будто какие-то птицы. – Все объяснить.

Гвен снисходительно прослушала невнятную и полную бессмыслицы речь женщины в маске. Оказалось, что темные фигуры называют сами себя Ястребами, потому что умеют превращаться в ястребов (подумаешь, достижение, мать Гвен еще и не такое умела). Они взяли земли золотых магов себе (разве так можно?), уничтожили места силы (что?!), а детей переместили вот в такие Селения, где все они до подросткового возраста будут достойно трудиться, в данном случае – прясть, а после отправятся в игровое Селение и будут играть там в очень интересную игру (какая-то ерунда). Золотая магия побеждена и запрещена, сбежать из Селения невозможно, а за любые нарушения Ястребы иссушат, то есть отберут саму искру жизни (да ладно, кто ж так поступает!).

Другие девочки от таких новостей нашли в себе силы заплакать, хоть для анимы это и вредно, но Гвен только задумчиво покивала. Пока что все выглядело, конечно, безумно, но очень удачно: боялись не только девочки, приехавшие с ней, но и те, что жалась у домов вдалеке, молча наблюдая за новоприбывшими. Страх и уныние тут было столько, сколько в родной деревне за всю жизнь не отыщешь. Гвен улыбнулась и широко, с удовольствием зевнула. Смотритель Один Один глянула на нее с неодобрением, и Гвен запоздало прикрыла

зевающий рот рукой.

– Извините, – добродушно сказала она, захлопнув челюсти. – А у вас ткань на лице, наверное, как раз для этого, да? Зевай, сколько влезет, и даже руку поднимать не надо!

Смотритель Один Один моргнула, медленно, как сова.

– Вы трудиться на благо Империи, начало – завтра утро, – сказала она, с трудом отведя от Гвен какой-то непонятный взгляд. – Имена говорить нельзя, завтра всем присвоить номера. Спать все в разные дома. Я отвести.

Дочка плотника рядом с Гвен тихо, безнадежно заплакала, и та пихнула ее в бок.

– Ты уже и так вся распухла, – прошептала Гвен. – Ну, не плачь! Аниму беречь надо.

Она испытывала непреодолимое желание коснуться руки соседки и передать ей немного анимы, чтобы та перестала лить слезы и вспомнила, как хороша жизнь, но все запасы теперь хранились в чайке, и Гвен изо всех сил затолкала поглубже панику от внезапной мысли: какая же она теперь волшебница, если у нее нет магии?

Всех младенцев Смотритель нагрузила на руки четверем девочкам постарше и куда-то их повела, так что Гвен решила воспользоваться ее отсутствием.

– Давай я тебе очень смешную шутку расскажу, а ты меня поблагодаришь? – с жаром забормотала Гвен, дергая плачущую соседку за рукав. – Это мне Ульвин рассказал, слышал от кого-то из лесных. Заходят однажды в лес кот, бык и гусыня, а бык и говорит...

Но бедняга только пуще заревела. Она уже, кажется, не могла остановиться, и Гвен зашептала что-то успокаивающее, как делала мама. Потом еле слышно запела колыбельную, потом скорчила смешную рожу, но это тоже не помогло, наоборот – заслышав тихое пение Гвен, к рыданию присоединились все, кто стоял вокруг, и Гвен растерянно замолчала. Все оказалось немного сложнее, чем

она представляла.

– А можно спросить? – обратилась Гвен к Смотрителю Один Один, когда та вернулась и повела ее и еще человек пять к одному из домов. – Нас когда отпустят?

– Не отпустить, – поколебавшись, ответила та.

– В каком смысле? – не поняла Гвен. – Ну просто скажите, когда?

– Плохо слушать? Быть здесь всегда до дальнейшие распоряжения. Не задавать вопрос. Не говорить с друг друг. Не нарушать порядок.

– А плакать можно? – в шутку спросила Гвен, потому что на раздающиеся отовсюду рыдания Смотритель не обращала внимания и никого не пыталась утешить.

– Нужно, – удовлетворенно кивнула Смотритель. – Плакать, бояться, сердиться. Это питать анимус Селения.

– Что такое анимус? – не поняла Гвен, но Смотритель уже распахнула дверь дома, втокнула всех пятерых туда и закрыла за ними дверь.

Окон не было, но к темноте глаза скоро привыкли. На полу лежали ряды матрасов, и с них пялились на новоприбывших девочки, жившие тут еще до них. Гвен рухнула на ближайший свободный матрас и огляделась. Здесь Ястребов не было, а значит, настало время попробовать.

– Я была золотой волшебницей, – шепотом сказала она, когда все перестали шуршать и улеглись. Тишину нарушал только еле слышный плач тут и там. – У меня больше ничего нет, но я вам кое-что расскажу, а если вам понравится, вы меня поблагодарите. Хорошо?

– Нам нечем благодарить, – угрюмо ответила незнакомая девчонка.

– Мне хватит самой крохотной крупинки, – успокоила Гвен. – А если анима у вас подрастет, вам точно хватит расплатиться. В общем, слушайте. Да, магия куда-

то делась, но моя мама – лучшая из волшебниц, и она мне рассказывала главное правило: все на свете находится в этом, в рав-но-весии. Если магии сейчас нет, то она где-то копится и, когда вернется, засияет так, что мы упадем от восхищения. Разумно?

Девочки переглянулись.

– Ну... да, – прошелестела одна, блестя глазами из темноты. – А когда это будет?

– Не знаю точно, в этом и есть приключение. – Гвен сложила ладони под щекой. От всех переживаний у нее начали слипаться глаза. – А мы пока аниму накопим. Только представьте, что сможете сделать, если у вас ее будет полно! Вообразите изо всех сил!

– Я заведу щенка, моего собственного, – мечтательно прошептала девочка у самой стены. – Мама несколько раз говорила, что разрешит взять у кого-нибудь из пастухов, если я буду хорошей.

– А я создам себе самые красивые наряды, – подхватил другой голос. – В моей деревне все бедные, даже плохонького волшебника нету, и мне все сказали, что я никогда много не накоплю. А я хочу такое платье, чтобы на нем вышитые цветы распускались, пока я по улице иду.

– Хочу, чтобы меня полюбил сын нашего рыбака, – тихо сказала девочка постарше. – У него такие ямочки на щеках! Говорят, от сильной анимы хорошеют, вот и стану красавицей, и он сразу меня заметит.

К разговору присоединялись все новые голоса, и Гвен сосредоточенно воображала все эти маленькие мечты так, будто они исполнились уже сейчас. Кажется, остальные делали то же самое: лица вокруг разгладились, плач стих. В длинной угрюмой спальне вдруг стало чуть светлее, и Гвен охнула, приподнявшись на локте. Она не ожидала от своей затеи такого сокрушительного успеха.

Мечты – великая сила, они питают тебя, но тут выяснилось еще вот что. Грезить о будущем, когда ты в безопасности, у зажженного очага, рядом с родителями, – приятно, но делать то же самое в темноте, в холодном чужом доме, понятия не имея, когда тебя отсюда спасут, – великолепно. Уровень анимы в каждом из этих

перепуганных, промерзших сердец взлетел так, что воздух засиял. Все щенки и куклы, новые платья и красивые мальчики, одобрение родителей и приключения, все, чего отчаянно хотелось тем, кто тут собрался, хоть на секунду стало для них реальностью и во много раз усилило крохи анимы, оставшиеся в их сердцах после того, как общий источник магии куда-то делся.

Гвен тихо засмеялась. В слабом золотистом свете она смогла разглядеть лица, которые до этого едва угадывала сквозь темноту.

- Поблагодарите меня, - выпалила она.

И девочки нестройно, но с чувством шепнули:

- Благодарю.

Нежные золотые крупинки поплыли в ее сторону, Гвен бережно собрала их рукой и прижала к сердцу. Ощущение было такое восхитительное, что она не сразу заметила: стены этого угрюмого строения, будто в ответ на всплеск тепла, стали еще более ледяными, и бледное сияние в воздухе начало гаснуть, словно холод жадно его поглощал.

- Спрячьте все, - торопливо сказала Гвен. - Кажется, их магия чувствует нашу.

- Как это - спрятать? - пискнула девочка еще младше Гвен.

- Представить, что сияние вокруг тебя - твоя тайна и видеть его никому не надо, - важно ответила Гвен. Это ей говорила мама: та могла сиять, как солнце, и пару раз показывала ей этот трюк, но в остальные дни выглядела самой обычной женщиной. - Прячешь эту тайну как можно глубже в сердце, вот как в карман бы спрятал, и хранишь, пока не понадобится.

- А я слышала, настоящие волшебники прямо светятся, - вздохнул кто-то из темноты.

- Это чтобы покрасоваться, - фыркнула Гвен. - Самые-самые великие волшебники на вид точно как простые люди, им анима не для хвастовства. Ну же, прячьте! Дышите спокойно, не бойтесь и возьмите себе то, что и так ваше.

Вокруг засопели, но сияние пошло в правильном направлении: мягко сгустилось вокруг тел и впиталось в них, оставив холодную темноту ни с чем. Гвен с улыбкой раскинулась на матрасе. «Ярче свет во тьме горит» – вот что говорилось в стишке, который мама подарила тем молодоженам вместе со звездой. И правда, ярче, ну надо же! Сияющие крупинки анимы, которые в обычные дни были почти невидимы, в этих темных, наполненных чужой магией постройках казались звездами в ночном небе.

– Никому не рассказывайте, вдруг эти Ястребы узнают, а я не хочу с ними делиться, я первая придумала, – сонно пробормотала Гвен.

И заснула, предвкушая великие свершения.

Все получилось идеально. Днем Гвен старательно пряла шерсть под присмотром Ястребов и не привлекала внимания, чтобы они не догадались, какой бездонный источник анимы она нашла прямо у них под носом, а ночью шепотом рассказывала соседкам сказки и пела песни, просила делиться своими мечтами и вспоминать смешные истории, – что угодно, чтобы поднять им настроение. Хорошо, что всем хватало ума общаться очень тихо, – через неделю Гвен, выйдя ночью подышать, заметила, что Ястребы куда-то неспешно идут. Она спряталась и стала наблюдать в щелочку двери. Оказалось, они обходили Селение и делали это через одинаковые промежутки времени. Гвен аж вспотела при мысли о том, как же повезло, что короткие всплески анимы в их доме, похоже, еще ни разу не совпали с обходом, а значит, никто не заметил сияние под дверью. За это время она уже поняла: Ястребам не нравится золотая магия. Наверное, они неудачники, которые не способны ее создавать, вот и завидуют.

Делиться с неимущими вообще-то правильно, но Гвен решила, что в случае с хмурыми сердитыми Ястребами правило можно обойти. С тех пор для сказок и песен они собирались в самом дальнем от двери углу дома, чтобы щель под дверью их не подвела. Гвен из кожи вон лезла, стараясь взбодрить и насмешить своих испуганных подруг, а те в ответ не скупилась на благодарность. Через месяц жительницы их дома выглядели настолько лучше и здоровее остальных, что Гвен боялась, как бы их игру не раскрыли, но тут, словно нарочно для нее, всех девочек в Селении перераспределили по другим домам.

Много позже она выяснила, что это стандартная ястребиная задумка, чтобы люди не успели сдружиться и обсудить побег. Ястребы, конечно, так и не узнали, какую услугу оказывали ей своими унылыми ежемесячными

перестановками. Домов было десять, и за ближайшие десять месяцев Гвен успела подружиться со всеми, кого до этого встречала только на работе в общей мастерской. Каждый месяц начинался как праздник: она получала заплаканных, тоскующих соседок, утешала их и наполняла надеждой на будущее, а они, усиливаясь сами, щедро с ней делились.

Ястребы, кажется, разбирались в золотой магии так плохо, что различали только явные ее проявления, – пока не пытаешься обращать свою аниму в настоящую магию, они тебя в упор не видят. Однажды, когда привезли новую телегу с незнакомыми девочками, одна из них попыталась наложить на Ястребов какое-то наваждение с помощью магии, которая в ней осталась. Гвен с тоской глянула на ее блестящие золотом руки и даже немного позавидовала, но быстро перестала: Ястребы всполошились, надели девочке на запястье черный браслет и увели к себе в управление. Больше Гвен ее не видела и с тех пор стала еще осторожнее, снова и снова объясняя соседкам, как себя вести: днем не улыбаться, в глаза Ястребам не смотреть, ночью разговаривать почти бесшумно и только в дальнем от улицы углу дома, аниму сразу прятать на самое дно сердца и ни за что, никогда не тратить. «Когда выйдем отсюда, тогда и потратим», – шептала она, и все согласно кивали.

Гвен прямо смешно было слушать новеньких девочек, которые боялись Ястребов как огня и считали, что те видят тебя насквозь и уничтожат на месте за одну только мысль о непослушании. Вообще-то Ястребы оказались теми еще лопухами – считали своих подопечных тупицами и оттого даже не заподозрили в хитрости.

Целый год Гвен купалась в успехе и щедро пополняла запасы. Ее уважали, ею восхищались, она была полезной – словом, была самой настоящей золотой волшебницей, только еще лучше, потому что ухитрялась творить магию, вообще на нее не тратясь.

Но год спустя соседки по дому начали повторяться, а новые девочки, которые поступали снаружи, только панику сеяли. В отличие от старожилков, они еще до Селения много слышали про непобедимых холодных Ястребов, – оказалось, те продолжали захватывать золотые земли, держа в ужасе всех местных жителей.

Потом в Селение начали переводить тех самых младенцев, успевших вырасти в мрачных малышей. И все уже успели понять, что выбраться отсюда будет непросто. Первые надежды исчезли, мечты уже не радовали, будущее с каждым

проведенным здесь днем отодвигалось все дальше. Одинаковые дни, никаких новостей, погода, которая из-за какой-то ястребиной магии никогда не менялась, безвкусная еда, угрюмые лица зрителей, многочасовая работа за прялкой – ничто из этого аниму не питало, и девочки слабели. Гвен не сдавалась, выдумывала сказки с запутанным сюжетом, каждый раз прерывая рассказ на самом интересном месте, чтобы слушательницам было чего ждать. Насочиняла шуток про Ястребов и их порядки. Освоила трюк с исчезающими предметами, которым с ней поделилась одна из старших девчонок, прежде чем ее забрали туда, куда забирали подросших детей.

Радовались ее историям теперь меньше, а некоторые еще и благодарить перестали, чтобы поберечь аниму, но Гвен все равно собирала за вечер хотя бы несколько крупинок и бережно прятала в своем сердце – ради чайки, которая ждала ее дома, и ради мамы, лицо которой постепенно начинала забывать.

Через пару лет кропотливого труда Гвен была богаче всех в Селении, но устала так, что еле таскала ноги. Иногда она, проснувшись, не могла даже вспомнить, зачем ей все это нужно, зачем во время работы, пока остальные сонно крутят колесо своих прялок, ей одновременно надо сочинять новые шутки и истории. Время начало ее побеждать, иногда она еще ухитрялась насмешить подруг до слез, но все чаще рушилась и засыпала, едва дойдя до матраса.

В следующий раз она очнулась от рутины, когда Ястребы вызвали к себе ее и несколько других девочек. Смотритель, которая умела говорить на их языке, объяснила, что им уже одиннадцать лет, а значит, пора отправляться в игровое Селение.

– Это важная работа, – сказала Смотритель, строго поглядывая на них. Гвен так ни разу и не видела без маски ни одну из работниц Селения. – Выполняйте ее эффективно.

И с этим теплым напутствием их отвели к неприметной дверке в стене, огораживающей Селение. У Гвен бешено заколотилось сердце. Что, если за дверью будет просто лес и Смотритель скажет: «Вы что, правда купились на то, что бывают игровые Селения? Ха! Отправляйтесь-ка домой, вам пора».

Но за дверью оказались все те же одинаковые дома, тусклый серый свет и ни одного дерева. Только здесь было еще холоднее, а вместо огромного

помещения, где они пряли, располагалось просторное круглое строение, которое Смотритель, прежде чем захлопнуть дверь, гордо назвала игровой ареной. На этой стороне их встретила другая Смотритель и развела по домам, которые ничем не отличались от тех, что они покинули.

Гвен остановилась в дверях дома и потрясенно уставилась на девочек, спавших на матрасах. Так вот куда делись те, кого забирали из их Селения! Всем тут было от одиннадцати до, наверное, шестнадцати, и у всех были тусклые, бледные и уставшие лица: то ли из-за стен, от которых разлило жутким холодом, то ли из-за «важной ежедневной игры», которую пообещала им Смотритель. Гвен свернулась на свободном матрасе, и ее охватила тоска. Судя по лицам, которые хмурились даже во сне, никто здесь в сказки не верил, и она поняла, что, кажется, тоже перестает в них верить.

Игра оказалась жуткой штукой, где ты должен либо драться холодным оружием Ястребов, либо поддерживать других дерущихся, и все это – чтобы наполнить силой трофеи: предметы, которые впитывали гнев, страх и другие вредные для анимы чувства. Ястребам эти штуки зачем-то были нужны. Гвен уныло смотрела, как к трофейным кубкам и перьям, ножам и браслетам тянутся от игроков едва заметные крупинки чего-то черного и холодного, противоположного аниме, и думала о том, что новой анимы в таких условиях не создашь, главное – не потерять то, что есть.

Здесь все время хотелось спать – видимо, из-за того, что много сил уходило на игру и производство этого темного холодного волшебства, к которому дети из золотых народов не привыкли. Гвен пару раз попыталась развеселить соседей перед сном, но те лишь бросили на нее измученные, тяжелые взгляды и отвернулись.

Очень хотелось потерять надежду окончательно, но Гвен запретила себе, чтобы не погасить все, что накопила. Нельзя было дать злему, яростному холоду добраться до сердца, где хранилось единственное, что еще имело в жизни смысл: анима.

Удерживаться в игровой таблице так, чтобы не привлекать внимания ни особыми успехами, ни громкими поражениями, оказалось непросто, и следующие пять лет прошли незаметно. День накануне того, как все закончилось, ничем не отличался от предыдущих дней. А потом наступило утро.

Они мирно спали, когда по глазам резанул свет. Гвен сморщилась и натянула одеяло повыше – чувствовала, что вставать еще рано, игра ведь начинается позже. Но свет вокруг рос и рос, Гвен со стоном откинула одеяло – и охнула. Она еще ни разу не видела их угрюмый спальный дом так ярко освещенным. Удивительно чистый свет, проникающий снаружи, из-под закрытой двери, наполнил каждый угол, осветил каждое сонно наморщенное лицо. Гвен заторможенно подумала о том, что где-то уже видела такой свет раньше, и, первой выбравшись из постели, осторожно выглянула на улицу.

Вечно серое небо над Селением шло трещинами, и сквозь них пробивалось чудесное сияние. Когда серость растаяла окончательно, небо оказалось поразительно голубым, а посреди него висела светящаяся штука, о существовании которой Гвен давным-давно забыла.

«Солнце, – вспомнила она, щурясь от невыносимо яркого света. – Вот как это называется».

Из всех домов нерешительно выглядывали девочки. Свет им был совсем не к лицу, – выглядели они ужасно: бледные, серые, неровно стриженные, в одинаковой одежде. И все смотрели, запрокинув головы, как по синему небу летит какое-то живое существо с крыльями.

«Птица», – вспомнила Гвен, но какая именно, вспомнить не успела, потому что рухнули окружавшие Селение стены.

Холодные черные камни с грохотом раскатились, а за ними оказался лес. Звуки и запахи с непривычки казались оглушительными: шепот листьев, шорох веток, голоса птиц. Камни, которыми были выложены улицы, тоже треснули, обнажив ароматную влажную землю. Запахло осенними листьями, мхом и, самую малость, болотцем.

Девочки сбились вместе, хватаясь друг за друга: внезапные перемены перепугали их до смерти, но Гвен, тоже крепко держась за соседок, подумала о том, что не такие уж они внезапные. Последний месяц Смотрители, Мастер Игры и остальные Ястребы, – даже та, что отвечала за кормежку, – были какие-то пришибленные и беспокойные, все время переглядывались, словно молча беседовали. Даже их тени-монстры дергались, чесались и нервничали. И вот теперь Ястребы, приняв птичью форму, которую почти никогда не показывали,

взлетели над крышей главного управления и, хрипло что-то клекоча, рванули к горизонту.

Радоваться никто пока не решился, мало ли, чем все закончится, – все просто расселись около домов, выжидая. Через пару часов захотелось есть, и девочки, замирая от собственной дерзости, толпой добрались до склада, где Ястребы хранили еду. Его никто не сторожил, девчонки похватали и съели все, что попало под руку, затем единодушно разбрелись по домам и заснули.

Второе пробуждение было еще более странным, чем первое. К звукам и запахам леса они уже немного привыкли, но ничто не подготовило к тому, что разбудит их такое странное существо.

– Привет, – сказала существо, дружелюбно тряся Гвен за плечо. – Эй, девочка, просыпайся!

Гвен распахнула глаза и завопила. Над ней нависал кто-то несуразный, ростом в половину человеческого, и глядел вытаращенными глазами без ресниц. Она отпрянула и заметила, что другие девочки тоже жмутся к стенам – существо не пожалело времени, чтобы разбудить каждую по очереди.

– Добрый вечер! – Когда все проснулись, оно замерло посреди дома, обводя всех торжественным взглядом. – Вы уже не первые, к кому я прихожу, поэтому, наученный опытом, кратко изложу положение дел. Меня зовут Ксенос, я покровительствую тем, кто радушен к чужакам и дружелюбен к непохожим.

Сказав это, существо вдруг счастливо, взхлеб засмеялось – Гвен таких звуков давным-давно не слышала. Наверное, оно очень гордилось своей работой.

– Все закончилось, – тепло сказал Ксенос. – Власти Ястребов пришел конец, они улетели и, уж конечно, не решатся больше к нам соваться! Новое место силы объединило земли, магия вернулась. Те Ястребы, что работали в Селениях, сбежали последними. Рюрик говорит, у них было распоряжение оставаться там, чтобы направить игроков на помощь Империи, если она придет забрать наши земли снова. Но никто не пришел, а мы, природные существа, дети земли, сами разрушили Селения. Тут-то оставшиеся Ястребы и улетели. Отлично, да?

У Гвен от такого количества сведений начала болеть голова, поэтому она решила прояснить хоть что-нибудь.

- Кто такой Рюрик? – спросила она. – Тоже какое-то существо?

- Ну что ты! – удивился Ксенос. – Это наш князь!

- Кто?

- Князь! Он сам это слово выбрал! Вроде как главный, тот, кто всем говорит, что делать. Он такой умный! Вы ахнете, когда увидите, какой он город устроил около озера! Город – это тоже его словечко, вроде как большая деревня, но...

- Помедленнее! – взмолилась Гвен.

Остальные девочки тупо пялились на существо, и Гвен вдруг поняла: она сама не боится и спокойно с ним говорит, потому что давным-давно, в полузабытом детстве, частенько видела волшебных созданий, хотя, кажется, вот это страшненькое не встречала.

- Нам-то что делать? – жадно спросила она.

- Я за этим и пришел: объявить! Я глашатай, вестник самого Рюрика!

- Ой, ты прям влюбился в этого Рюрика, – от волнения ляпнула Гвен.

Она даже слова такого не помнила, но сейчас оно как-то само вырвалось из глубин памяти.

- Вы все такие грубые, – пробормотал Ксенос, слегка прижав уши. – Я уже не в первом Селении с этим сталкиваюсь, но женское у меня первое, вы же девочки, вы должны...

Дальше Гвен перестала слушать – до нее дошло то, что могло бы дойти еще в начале разговора, если бы она не была так растеряна и сбита с толку.

– «Не в первом Селении»? – медленно повторила она. – Их много?!

– Конечно, – закивал Ксенос. – Весьма много! Мы половину уже освободили. Ястребы забирали всех детей и сторожили. Да, да, я знаю, это ужасно, но теперь...

Гвен растянулась на матрасе и уставилась в потолок. У нее все эти годы не было сил думать о чьих-то чужих неприятностях за пределами Селения, но вот теперь до нее начал доходить полный размах проблемы.

– В общем, Рюрик сейчас работает с берестой. Выясняет, кто откуда, чтобы вас можно было отвести домой, – продолжал тараторить Ксенос. – Он такой умный! Знает все значки, которые Ястребы наносят на бересту: они так хранят сведения, а не просто запоминают, представляете?

О бесконечных совершенствах этого Рюрика слушать Гвен не хотелось, в голове стучало одно слово: «домой». Их собираются отвести домой. В памяти всплыла огромная выбеленная печь, и окна со ставнями, и обитые железом лари. Дом. Не дожидаясь завершения речи, она бросилась на улицу, готовая идти хоть сейчас, но Ксенос перегородил ей путь.

– Он сам объявит, когда пора, – мягко сказал он. – Можете пока подремать, путь будет долгий, остальные дети, которых я провожал, все время засыпали. А мне пора в остальные постройки, рассказывать, что все теперь хорошо. Ну же, улыбнитесь, беды закончились!

Никто не улыбнулся, потому что не смог вспомнить, как это делается, и Ксенос со вздохом выскользнул за дверь.

Таинственный Рюрик объявился только ночью, когда все и правда уже заснули. Ксенос примчался снова, захлопал в ладоши, чтобы всех разбудить, и потянул наружу, хватая за одежду своей сухонькой ручкой.

Жительницы Селения толпились вдоль улицы, а посреди нее стоял человек, в котором было примечательно сразу несколько вещей. Во-первых, он был парнем, а их тут никто не видел большую часть своей жизни. Во-вторых, он был роскошно одет: ярко и многослойно, в мягкие новенькие ткани красного, белого и зеленого цвета. В-третьих, у него были волосы, чем тут тоже никто не мог

похвастаться, и не какие-нибудь завалящие, нет, это были чудесные темные кудри, волнами обрамляющие симпатичное зазорное лицо. Вокруг толпились какие-то волшебные существа, но им внимания доставалось меньше: девочки пялились на красавца, не отрываясь ни на секунду. Тот, кажется, к такому привык. Не меняясь в лице, он дождался, пока из всех домов выйдут на улицу, и заговорил на местном языке, громко и внятно.

– Добрый вечер. Я Рюрик, князь объединенных приозерных золотых земель. Ксенос уже объяснил вам, что Ястребы здесь больше не правят, вы можете возвращаться домой.

На улице было серо, но Гвен уже поняла, что это не та серость, в которой они жили каждый день, – в свободном, широком, темно-синем небе начинался рассвет. За горами камней, оставшимися от стены, нежно щебетали птицы. В этом бледном свете красавец выглядел уставшим – судя по стопкам бересты в его руках, пока они спали, он был чем-то занят: Гвен видела такие листы у Ястребов, и те всегда очень деловито водили по ним палочкой.

– Я изучил все записи, где было указано, откуда вас в свое время забрали. Ястребы любят порядок, и иногда это очень кстати. – Рюрик вдруг фыркнул, будто сказал шутку, смысл которой все равно не понял никто, кроме него. – Я распределил вас по группам в зависимости от места, куда вам надо вернуться. Каждую группу поведет одно из существ. Не волнуйтесь и соблюдайте порядок. Я буду называть номера и указывать, в какую группу вам надо встать.

Он говорил ну очень похоже на Ястребов: те умели всех организовывать и выражать свои требования с удивительной четкостью. Ладно, не Ястреб же он: во-первых, те носят совсем другую одежду, а во-вторых, все Ястребы – женщины. Во всяком случае, других Гвен никогда не видела.

Красавец начал спокойно произносить номера, и Гвен, услышав свой, Девять Семь Пять, встала туда, куда указала его бледная рука, успев по дороге спросить:

– А почему Ястребы улетели? Что произошло?

Красавец удивленно вскинул глаза. До этого никто по пути на свое место и звука не произнес.

– Долгая история, – невозмутимо ответил он, глядя в упор, будто ждал, что она опустит взгляд. – И это не имеет отношения к текущей проблеме: вернуть всех домой. Пожалуйста, встаньте туда, куда я велел.

«Зануда, – мрачно подумала Гвен, нехотя вставая на указанное ей место. Красавец тут же потерял к ней интерес и начал командовать другими. – Да еще и зазнайка».

Где-то, кажется, произошли интересные события, а она все пропустила, сидя тут, и даже рассказа не услышит. Ее это внезапно так расстроило, что она не сразу поняла: девочки, которых поставили в одну группу с ней, – те же, с которыми она попала сюда давным-давно, а незнакомые дети помладше – это, наверное, бывшие младенцы. Гвен на секунду обрадовалась, а потом пришла в ужас: все выглядели такими взрослыми, что она впервые поняла, как же долго они все тут торчали.

– Деревня Чаща, – простучал голосок откуда-то снизу.

Гвен невесело опустила глаза и увидела человечка, сложенного из камней: роста он был крохотного, но Гвен вспомнила, что такие существа бывают и огромными. То, которое она когда-то встречала, было ростом с целый дом.

– Я Турмалин, – простучал человечек, ловко ухитрясь отстукивать слова камнями, из которых состояли его челюсти. – Отведу вас домой. Бедняжки! Не отличить от мальчиков, такие же лысые и сердитые. Я очень хороший и опытный проводник, это уже четвертое мое путешествие. Раньше я боялся людей, но оказалось, что вы не такие уж страшные, особенно те, которые из Селений. Ну, вперед!

Турмалин деловито пошел куда-то, прыгая по вывороченным остаткам каменных плит, которыми были завалены улицы. Холодом от этих камней больше не веяло, словно они растеряли последние остатки своей магии.

– Все теперь будет хорошо, – прошептала высокая сутулая девочка.

Гвен непонимающе моргнула – в первый момент она даже не узнала, что за гримаска с растянутыми губами появилась на лице этой дылды. Потом

вспомнила: это называется улыбка, знак радости или одобрения, – и неумело, слабо улыбнулась в ответ.

Глава 5

Тройка

Путь домой оказался восхитительным и ужасным одновременно. Они шли пешком через лес, и счастье, что не приходилось думать о направлении: Турмалин скакал впереди, громко стуча камнями, из которых состоял, чтобы его не теряли из виду среди кустов и травы. Вокруг было множество звуков, запахов, света и красок, девочки заворожено оглядывали лес, потрясенные его роскошью, но, когда солнце взошло окончательно, оказалось, что для глаз, отвыкших от столь ярких дней, это настоящее мучение.

Еще пару часов они тащились по лесу, ослепшие от света, кое-как ступая босыми ногами по колкой, шумной поверхности, так непохожей на ровные прохладные плиты Селения. Потом все начали засыпать – отвыкли ходить так далеко и бодрствовать так долго, – и Турмалин покорно сел на землю, ожидая, пока все отдохнут. Он попытался объяснить, как попросить еду у земли, но все лишь бессмысленно уставились на него и даже пытаться не стали: уж очень безумно это звучало.

Когда Гвен в следующий раз открыла глаза, было темно. Турмалин разбудил всех, постукивая каменной ручкой по пяткам, и повел дальше. Луны не было, и в темноте ходить оказалось еще хуже, вообще ничего не разглядеть. Острые ветки лезли в глаза, лес опасно шуршал, ноги уже сбились в кровь обо все эти камни, ветки и корни. Пробрести так они смогли всего час, потом опять заснули, а когда проснулись – яркий свет до боли резал глаза, тело болело от сна на земле, и все, как и Гвен, наверняка нет-нет да и думали о том, что лучше было

бы остаться в Селении. Хорошо хоть дождь пошел, и они смогли глотнуть воды, но даже несмотря на это, они, кажется, представляли собой самую унылую процессию, какую только видел этот лес.

До места они дошли, когда Гвен уже потеряла счет времени. Впереди показалось скопление обшарпанных домишек с дверями, на которых ветер ерошил хлопья отсохшей краски: рыжей, желтой, красной.

– Сейчас будет самое трудное, – понуро сказал Турмалин. – Я, пожалуй, пойду. Мне не нравится на это смотреть.

И он с глухим стуком раскатился на груду мелких камешков за минуту до того, как из домов начали выходить взрослые люди, мужчины и женщины: уставшие, подозрительные, в рваной старой одежде. Они потрясенно таращились на девочек, и Гвен стало тревожно.

– Существа сказали, что приведут обратно наших детей, – сдавленно проговорил один из мужчин. – А это... кто?

Девочки плотнее сбились в стаю, скользя растерянными взглядами по толпе, – если тут и были их родичи, узнать их оказалось непросто. Несколько мгновений все смотрели друг на друга, потом женщины из толпы начали плакать и убегать. Девочки, не сговариваясь, уселись на землю, привалились друг к другу и немедленно заснули, чтобы не грустить. Гвен ворочалась дольше всех, рассеянно пытаясь вспомнить, какое именно важное дело осталось у нее в деревне. Когда-то давно, в детстве, она хотела вернуться, чтобы... Чтобы что? Там была птица, что-то, связанное с птицей, может, с курицей? Или... Додумать Гвен не успела – заснула.

А проснулась от того, что какой-то мужчина тряс ее за плечо. Она сонно разлепила глаза, вглядываясь в худое лицо, окруженное седоватыми кудрями.

– Я тебя вспомнил, – прошептал он сквозь полутьму. – Нос совсем не изменился! Ты Гвендолин, дочка волшебницы.

Ее имя! Она и забыла! Гвен присмотрелась и вдруг тоже вспомнила: это Бард, он придумывал песни. Воспоминание было далеким и смутным, как сон.

«Он ведь был молодой, – растерянно подумала она. – Почему же сейчас такой старый?»

– Существа, которые к нам приходили пару дней назад, сказали, что приведут сначала девочек, а потом мальчиков, и там... Там будут мои близнецы, ну, я на это надеюсь. Говорят, не все выжили. – Бард прерывисто вздохнул. – Они тоже изменились, я уже понял, были крохи, а сейчас, наверное, совсем большие. Но ты можешь... можешь их вернуть такими, как были? Пожалуйста! Ты же можешь? Нам сказали, всех золотых волшебников убили еще тогда, но вот ты здесь! Ты же еще волшебница?

Гвен тупо уставилась на него.

– Кажется, нет, – хрипло проговорила она.

– Ты их вернешь? – отчаянно переспросил Бард.

Гвен помотала головой, и Бард медленно, длинно выдохнул. Секунду Гвен казалось, что он ее сейчас ударит или закричит что-то злое, но он только обвел взглядом спящих вповалку девочек и горько сказал:

– Мы думали, когда магия вернется, все станет, как было. Но, похоже, так никогда уже не будет. Мы так ждали, но теперь, когда дети вернулись, всем грустно. Слишком много времени прошло.

– А сколько? – шепотом спросила Гвен.

– Десять лет.

Он резко отвернулся и, переступая через спящих, пошел прочь. Гвен посмотрела ему вслед и вдруг вспомнила кое-что потрясающее: где-то тут, совсем близко, ее дом. Взрослые уже давно разошлись по домам и уснули, так что в деревне было очень темно и тихо, но в небе сиял огромный белый шар. «Луна», – вспомнила Гвен. Под ним легко было выбраться из клубка спящих и оглядеться. Вон он, дом на холме! Это он!

Гвен вскочила и бросилась по тропинке вверх. Точнее, тропинки-то уже и не было, все заросло, и все же ноги сами угадывали, куда ступать. Последний раз, когда она здесь бежала, снег набивался в валенки, но сейчас бежать было легко, под ногами успокаивающе и нежно похрустывали осенние листья и шуршала трава.

Ее дом. Дом! Ее собственный! В окнах не горел свет, никто ее не ждал, стены уже не сияли волшебными узорами: магия, наполнявшая его, за столько лет растаяла, дверь висела на одной петле, из ставней выпали дощечки, но он был на месте, он верно ждал ее. Гвен влетела в дверь, с непривычки задышавшись от бега, и замерла.

Пока ее не было, здесь кто-то побывал, и не один раз: не осталось ни мебели, ни шерстяных ковриков, которые она помнила лучше, чем свое собственное имя, ни пучков сухих трав на стенах. Ну, хоть печь на месте. Гвен, правда, не знала, как ее разжечь, поэтому отогнала воспоминания о жарком потрескивающем пламени и бросилась в свою старую комнату, неожиданно вспомнив рассказы о том, что до маминого появления дома в деревне состояли из одной горницы, никаких стен-перегородок внутри. Это мама научила местных, что у каждого должно быть свое место, и во время их совместных прогулок по деревне ее много-много раз за это благодарили.

Воспоминания возвращались, сыпались щедро, как из корзины. Гвен вбежала в свою опустевшую комнату, нащупала углубление между бревнами, из которых была сложена стена, выдернула большой клочок пакли и пошарила за ним. Вот теперь она вспомнила, что за птица ей нужна и где ее искать, – и всхлипнула от облегчения, когда пальцы натолкнулись на гладкую теплую брошь.

Гвен вытащила чайку и села на пол, сжимая ее в ладони. Голова чайки слабо поблескивала золотом, словно была сделана из драгоценного материала, в отличие от остальных ее частей. Значит, магия не пропала. Гвен тяжело задышала от волнения. Если она не растеряла всю аниму, накопленную за первые годы в Селении, то сейчас передаст ее чайке, и мама вернется.

Гвен нахмурилась, пытаясь представить ее лицо, но возникло только ускользающее, призрачное ощущение любви. Вспомнить, как передавать аниму, тоже получилось не сразу, но Гвен пыталась снова и снова, и наконец что-то шевельнулось в ее сердце, щекотное тепло согрело его, потекло по руке. И пальцы засияли, а чайка начала медленно наливать золотом. Грудка, крыло,

лапы, хвост, вот сейчас, сейчас... Но волна сияния остановилась, не дойдя до второго крыла.

Несколько минут Гвен ждала, потом в сердцах треснула по полу кулаком – научилась в игровом Селении. Всего, что она годами собирала, не хватило даже на жалкую птичку! Гвен вскочила и пнула стену, еще раз и еще. Как ей накопить анимы на целое здоровенное крыло? Да она ни крошки уже произвести не способна, даже и вспомнить не может, как раньше это делала! Гвен распахнула ставни, до боли стиснула чайку и в порыве удушающей, бессмысленной злости вышвырнула ее в окно. Вот так! Плевать на эту побрякушку, плевать на все. Гвен согнулась, упираясь ладонями в колени, и тяжело опустилась на пол.

Все, она будет сидеть в этом промерзшем разворованном доме, пока не помрет. Гвен запоздало подумала, что надо было забрать из чайки все, что в ней хранится, аниму наверняка можно обменять на еду или теплую одежду, но лезть на улицу было неохота, и она устало побрела в другую комнату, к печке: вдруг в ее глубине завалялась какая-нибудь еда?

Увы, в темном зеве печки не нашлось ничего, кроме углей. Ночь была холодная, ветер задувал в окно, и Гвен сонно подошла к закрытой двери около печки – вспомнила, что та ведет в мамину комнату, а ее она еще не проверяла. Гвен подергала ручку. Дверь не открылась. На ней, в отличие от той, что вела на улицу, не было ни замка, ни засова, она просто не могла быть заперта – и все же не открывалась.

Хм. Может, заело что-то? Гвен толкнула дверь плечом, вмазалась в нее всем весом, но результат был все тот же. Еще пару минут она сражалась с дурацкой деревяшкой из чистого упрямства, потом без сил легла на пол и назло неизвестно кому уснула прямо под дверью.

Утро ничего нового не принесло – Гвен поняла это еще до того, как открыла глаза. Живот по-прежнему поджимало от голода, тело затекло от лежания на полу, холод лез под воротник и влажно лип к коже. Гвен с трудом приоткрыла глаза и растерянно моргнула. Нет, похоже, одно чудо все-таки произошло. Дверь, еще ночью запертая неизвестно каким способом, теперь была распахнута и милостиво являла содержимое комнаты. Гвен подозрительно огляделась в поисках того, кто это тут распорядился, пока она спала, но вокруг было пусто. За окном трещали птицы, еловые ветки влажно поблескивали, раскачиваясь от ветра.

Гвен зашла в мамину комнату, стараясь не шататься от голода. Все было на месте: похоже, комната простояла запертой все эти – какая ужасная цифра – десять лет. Ставни были аккуратно заперты, сквозь щели между ними падал свет и полосками ложился на пол. Гвен никак не могла вспомнить, была ли комната открыта в тот последний день, когда она искала маму. Она, уж конечно, везде бы проверила, но все же... Нет, не вспомнить.

Конечно, мамы тут не было, зато было много чего еще. Гвен оглядела толстый матрас, несколько ларей, гребешок на столе, лавку, застеленную вышитым ковром. Темный квадратик, лежавший на столе около гребня, при ближайшем рассмотрении оказался хлебной коврижкой, окаменевшей от времени, но вполне съедобной, если подольше подержать во рту. Гвен юркнула в постель и закрыла глаза, втягивая запах. Простыня пахла цветами, сухой травой и свежим бельем, как будто время над ней было не властно.

– Мам, что мне делать? – жалко спросила она с набитым ртом, старательно посасывая коврижку.

Никто, конечно, не ответил. Гвен угрюмо шмыгнула носом и натянула одеяло повыше. Волшебницей ей, кажется, больше не стать, на второе крыло анимы не наскрести, – внутри все будто высохло, – но не так уж плохо будет тихо жить в этом доме подальше от всех остальных и много, много спать.

Ей приснилось что-то чудесное, утешительное, а когда она в следующий раз открыла глаза, снаружи что-то происходило. Гвен панически вдохнула и чуть не подавилась коврижкой – так и спала, сомкнув на ней зубы. Она нехотя выпростала наконец-то согревшиеся ноги из-под одеяла и прошлепала к окну, торопливо дожевывая коврижку.

Ставни распахнулись, как новенькие, – даже странно, что за столько лет местные их не вскрыли, – и Гвен уставилась на деревню, раскинувшуюся под холмом в окружении елок и берез. Солнце уже почти встало, и в этом прозрачном, нежном свете было видно и слышно, как толпа шумит на берегу и издает очень, очень знакомые звуки: отрывистое, жесткое уханье, которым зрители поддерживают игроков во время боя. Гвен присвистнула. Она уже не надеялась почувствовать любопытство, интерес или хоть что-нибудь кроме тупой усталости, но вот пожалуйста.

Гвен выскочила на улицу, поежилась от ощущения холодной мокрой грязи под босыми ногами – ночью, видимо, был дождь – и, поскользнувшись, бросилась в деревню. Звуки боя взметнули в ее душе восторг, какого она сама от себя не ожидала. Посреди всего, что творилось последние пару дней, вдруг появилось что-то знакомое, надежное, не предвещающее неприятных сюрпризов.

На просторном берегу реки, около мельницы, стояли плотно сбитым кругом коротко стриженные игроки в серой одежде и вскидывали вверх кулаки, поддерживая кого-то дерущегося в центре. Взрослые жались вдалеке, не зная, что делать. Гвен без интереса глянула на их заплаканные, испуганные лица и начала локтями расталкивать разгоряченных зрителей.

В центре круга одна из соседок Гвен по Селению, номер Ноль Три Ноль, дралась с кем-то, кого Гвен сначала приняла за незнакомую девочку, но потом сообразила: это мальчик. Гвен обвела недоверчивым взглядом толпу и наконец поняла, что произошло: кажется, ночью из другого Селения пришли мальчики. На вид они были не очень-то интересные, такие же бледные и тощие, как и девчонки, но кому-то, похоже, пришла в голову поистине гениальная идея: выяснить, кто сильнее.

Одну сторону круга образовывали парни, поддерживающие своего игрока, другую – девочки, ухавшие и оравшие в поддержку Ноль Три Ноль. Дрались, конечно, без теневого оружия, где ж его тут взять, – просто дубасили друг друга кулаками и ногами, стараясь задеть побольнее. Гвен с удовольствием отметила, что Ноль Три Ноль пока что побеждает – она оказалась быстрее и изворотливее соперника, но и его Гвен со счетов сбрасывать не стала бы, удар у него был поставлен отлично.

Бой все же выиграла Ноль Три Ноль, – уронила парня на землю и держала, пока зрители во все глотки считали до трех. Потом выпрямилась и победно взревела, зрители взревели в ответ. У парней, к счастью, были те же традиции: они сердито зарычали, показывая, как расстроены из-за проигрыша своего игрока, но в остальном приняли поражение спокойно, ведь будет новый день и новая игра. С другой стороны, зачем ждать завтра, когда ими больше не командуют?

– Я хочу драться. – Гвен вышла вперед, пока еще кто-нибудь не решился. Она редко вызывалась драться сама, но сегодня ей хотелось выместить на ком-то удушающую обиду и просто обо всем забыть. – Мой номер в таблице – четыре, готова драться с четверкой или выше.

Парни зашущукались, потом выставили против нее кандидата, который тоже шел под номером четыре: маленький, но злющий паренек лет одиннадцати. Видимо, это был его первый игровой сезон – он волновался, кипятился и подскакивал на месте. Гвен заметила в толпе парней мальчика, как две капли воды похожего на вот этого, и до нее дошло: да это же близнецы Барда. Те самые, за которых он приходил просить.

Гвен зло прищурилась, и мальчик прищурился в ответ. За эту парочку хоть есть кому вступить, а у нее никого больше нет, никого. Эта мысль придала ей боевой злости, и она бросилась на парня. Никогда еще драка не доставляла ей такого удовольствия – в Селении она так берегла аниму, что боялась разозлиться как следует, а тут бояться стало нечего.

Паренек оказался не промах, недаром дослужился до четверки в первый же сезон – вился вокруг, как уж, изворачивался, кусал, норовил оцарапать, и Гвен с каждой секундой злилась все сильнее. Ух, она ему сейчас покажет! Вокруг поощрительно орали, и она в блаженном отупении была, царапала и шипела.

Она победила.

Полчаса спустя Гвен довольно валялась под деревом на берегу, баюкая руку, которую, кажется, вывихнула во время боя. Бои продолжались, на берегу стало заметно холоднее, и даже солнце, поднявшееся над горизонтом, казалось не таким уж ярким: анимуса они произвели немерено, даже жаль, что никакие трофеи больше наполнять не надо, – хоть какую-то пользу они своей жизнью приносили. Гвен запрокинула голову, сонно щурясь в синеватое небо. Шум вокруг нарастал – всем надоело ждать своей очереди, и народ, плюнув на правила, начал драться по несколько пар одновременно. Четкий круг зрителей разбился, тут и там вернувшиеся дети пыхтели и валяли друг друга по земле. Гвен лениво глянула на родителей: те плакали, причитали, что-то обсуждали. Интересно, о чем они с таким жаром говорят? Гвен встала и, стараясь не привлекать внимания, подобралась ближе.

– Вот и я говорю: не моя это дочь, – тараторила какая-то женщина, с опаской косясь на дерущихся. – Я сначала подумала, что она, но...

– Да, да, это не наши дети, я сразу понял, – подхватил усталый мужчина. – Не подходят близко, не хотят с нами обняться, как будто вообще не скучали. А

мы... – Он со свистом втянул воздух. – Наши дети не такие!

– А если это они? – вклинился мужчина постарше. – Если Ястребы превратили их в таких... грубых, невоспитанных, злобных подменышей? Что тогда делать? Тот парнишка действительно на моего сына похож!

Гвен вздохнула и побрела обратно под дерево – там было уютное сухое местечко между корней. Но посидеть спокойно ей не дали, подошел вдруг второй близнец – тот, что сегодня не дрался.

– Если пришел мстить за то, что вздула твоего братца, то это против правил, – пробормотала Гвен. В игровом Селении хочешь не хочешь, а научишься огрызаться, это считалось частью игры. – Но могу вздуть еще и тебя.

– Нет, интерес у меня деловой, – невозмутимо ответил мальчик.

Гвен с любопытством покосилась на него. Общаться с парнем было странно, но они, кажется, не так уж сильно отличались от девчонок.

– Я Гвен, – сказала она, потому что ей понравилось ее имя и хотелось пользоваться им почаще.

– Имена – пережиток прошлого. Мы уже не те, кому они принадлежали. – Он пожал плечами. – Я – Три Один Один.

– Буду звать тебя Тройка.

– Мне все равно.

Он помолчал, то и дело поглядывая на нее. Гвен делала вид, что очень занята наблюдением за тем, как драка захватывает все новых и новых участников. Ей было не по себе разговаривать с кем-то не скрываясь, в полный голос и посреди дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sobol-_ekaterina/mednaya-chayka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)